СТРАДАНІЕ

и

НАСЛАЖДЕНІЕ ЖИЗНИ

П. Е. Астафьева

Выпускъ первый

(ВОПРОСЪ ПЕССИМИЗМА И ОПТИМИЗМА)

В
829

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищ. «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.
1885.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 сентября 1885 года.

АКАДЕМИИ
4044
24

Страданіе и наслажденіе жизни.

Wahrheitsliebe zeigt sich darin, dass man überall das Gute zu finden und zu schaetzen weiss (*Goethes* Sprueche).

Жизнь хороша, когда я въ мірѣ
Необходимое звѣно,
Со всѣмъ живущимъ заодно.

А. Майковъ. («Три смерти».)

I.

Ото всѣхъ насъ,—ни для какихъ избранниковъ не допуская исключенія,—жизнь ежемгновенно и назойливо требуетъ неотложнаго разрѣшенія цѣлой массы задачъ, отвѣта на цѣлую массу вопросовъ, прямо возникающихъ предъ нами въ законченной, готовой опредѣленности, не выжидая пока и какъ мы ихъ себѣ поставимъ, но задавая ихъ намъ въ этой неотразимой опредѣленности. Не многимъ дается ею и достаточный досугъ, и достаточная свобода отъ захватывающаго влеченія „злобы дня", и наконецъ—достаточная охота для спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія самой *постановки* этихъ вопросовъ, нормальной или ненормальной, опредѣленной или неопредѣленной, не-

обходимой или случайной. Немногимъ даже—въ общей массѣ—дано и ясное пониманіе всей важности такого обсужденія постановки вопроса сравнительно съ важностью отвѣта на поставленный такъ или иначе вопросъ. Чѣмъ вопросъ привычнѣе намъ и насущнѣе, чѣмъ чаще и настоятельнѣе предлагаетъ намъ жизнью,—тѣмъ менѣе способенъ онъ обыкновенно и возбудить потребность этого обсужденія и оставить намъ необходимое для него время и спокойствіе. Самые жизненные вопросы наименѣе *обдумываются* нами именно потому, что жить—болѣе настоятельная повидимому необходимость, чѣмъ судить о жизни, давать себѣ въ ней отчетъ. Такъ говорятъ по крайней мѣрѣ практическіе мудрецы не одного нашего „просвѣщеннаго времени“, когда банки, конституціи, система взаимнаго обученія, пары, телефоны и т. п. столь соблазнительно обогащаютъ и *ускоряютъ* нашу жизнь, вмѣстѣ и до безвѣтности упрощая ее своими на все готовыми отвѣтами, но и всѣхъ рѣшительно вѣковъ и народовъ, даже самыхъ „некультурныхъ“. И эта мудрость, которая вся безъ остатка выливается однакоже въ *неособенно* глубокомысленномъ и тонкомъ замѣчаніи что „ѣсть нужно“, конечно, вездѣ и всегда находила и находитъ толпу, готовую поражаться ея глубиною, восторгаться ея прелестью и фанатически служить широкимъ заповѣдямъ, вытекающимъ изъ ея начала!

Но не всегда толпа бываетъ права; не права она и въ настоящемъ случаѣ. Конечно, очень важно и поучительно узнать великую истину что ѣсть нужно; но для сознательнаго существа оставаться, каковымъ bongré malgré пока человѣкъ обреченъ, было бы не лишено нѣкоторой важности и утѣшительности и знаніе того, *зачѣмъ*, *для чего* именно ему нужно ѣсть и жить. Человѣкъ вѣдь не только *переживаетъ* свое бытіе, но и *сознаетъ и судитъ его и стремится его устроять*, не принимая его пассивно какъ готовый, только *данный* ему рокъ. Дать отвѣтъ на поставленный вопросъ далеко поэтому не всегда такъ существенно, какъ правильно поставить вопросъ. Это такъ уже

потому, что безъ вопроса нѣтъ и отвѣта, и значеніе (portée) втораго опредѣлено заранѣе значеніемъ перваго. Еще Платонъ, вслѣдъ за Сократомъ (въ „Государствѣ“) говорилъ, что, не имѣя предварительнаго понятія о искомомъ, мы никогда и не могли бы *найти* его, ибо не знали бы на чемъ именно изъ встрѣченнаго нами въ поискахъ остановиться. И Кантъ, обсуждая значеніе своего великаго труда, — вся оригинальность и все несомнѣнное значеніе котораго именно въ своеобразной *постановкѣ* вопроса, замѣчаетъ, что больше трудности и больше заслуги— правильно поставить вопросъ, чѣмъ — дать вѣрный отвѣтъ на вопросъ, уже правильно и точно поставленный. Юристы также очень хорошо знаютъ, что въ ихъ области все дѣло не въ чемъ иномъ какъ въ постановкѣ вопросовъ И если жизнь всего человѣчества, какъ и отдѣльнаго человѣка, даетъ намъ *какое-либо* несомнѣнное поученіе, то оно состоитъ прежде всего въ томъ, что отъ самой напряженной и неутомимой дѣятельности и борьбы всей жизни отдѣльной личности или цѣлой эпохи, народа, отъ самой подавляющей массы данныхъ ими отвѣтовъ на всевозможные вопросы и запросы — остается, въ концѣ концовъ, ровно столько, сколько было существеннаго, истиннаго въ *задачахъ* дѣятельности, не эфемернаго, не произвольнаго (въ дурномъ смыслѣ слова) въ *вопросахъ* и запросахъ, направлявшихъ эту жизнь. „Главнѣйшая причина бѣдности—увѣренность въ богатствѣ“, говорилъ Бэконъ (Вэрулáмскій); а бѣдность наша или богатство въ духовной сферѣ опредѣляется не столько массою готовыхъ отвѣтовъ, сколько опредѣленностью, точностью и системою вопросовъ, также какъ и въ экономической сферѣ богатство опредѣляется не массою капитализованныхъ благъ, но массою потребностей и состоящаго въ ихъ распоряженіи труда. Изъ древнѣйшаго періода греческой философіи, глубоко и для всѣхъ временъ поучительнаго именно своею постановкой всѣхъ основныхъ вопросовъ мысли, но ничему не научающаго того, кто искалъ бы въ немъ готоваго разрѣшенія какой либо (спеціальной) современной научной задачи, всякій ничтожный фраг-

ментъ для насъ составляетъ истинную драгоцѣнность; а какая въ то же время масса никому ненужнаго хлама содержится въ тѣхъ фоліантахъ, которые оставлены намъ въ наслѣдіе догматическими временами схоластики?

Между всѣми вопросами, отъ точной и правильной постановки которыхъ зависятъ не только наиболѣе цѣнные и существенные интересы, но и самыя *созидающія силы* жизни, одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ очевидно вопросъ *о цѣнности самой жизни*, вопросъ: стоитъ ли жить? Выше ли, лучше ли, истиннѣе и достойнѣе смерти жизнь,—небытія—бытіе? *Нужно ли и возможно ли искать* въ бытіи, въ жизни — какой либо дѣйствительной правды, красоты и истины!—Или же такое искаціе тщетно и неразумно, такъ какъ самое бытіе во *всѣхъ* своихъ формахъ и проявленіяхъ есть лишь призракъ (*майя* буддистовъ), пустой обманъ, во всемъ своемъ смѣшномъ и горькомъ ничтожествѣ обнаруживающійся передъ разумомъ истиннаго мудреца и возбуждающій въ немъ, по своемъ раскрытіи, страстно тоскливое влеченіе къ вѣчно темному, ничѣмъ ненарушимому однообразному покою нѣмого ничто, небытія *)—вмѣстѣ съ *презрѣніемъ* ко всѣму что раскрытое въ своей призрачности бытіе обманно рисуетъ еще передъ очами недостигшаго мудрости какъ истинное, достойное, прекрасное или желательное **)? Вопросъ

---

*) Или, что совершенно одно и то же,—къ тому странному «Духу», лишенному сознанія и воли и «пребывающему во мракѣ и молчаніи» (sic!), который составляетъ конечную цѣль стремленій буддистовъ и древнихъ и новыхъ.

**) Это презрѣніе, которымъ было всегда болѣе или менѣе удобно *интересничать* передъ довѣрчивыми характерами, тѣмъ болѣе падкими на все пародоксальное, способное сразу поразить своею незаурядностью чѣмъ сами они наивнѣе,—не разъ уже и философствующею мыслію выставлялось какъ признакъ, отличающій *истиннаго* мудреца. И *Гартманнъ*, наиболѣе прославляемый и читаемый изо всѣхъ извѣстныхъ дилеттантски философствующей публикѣ философовъ нашего времени, опредѣляетъ свое философское ученіе пессимизма, какъ «*соединеніе науки съ презрѣніемъ*

въ этой сжатой и опредѣленной формѣ для неискушенной мысли и свѣжаго чувства представляется поразительнымъ, парадоксальнымъ, даже жуткимъ. Да и *нуженъ* ли онъ? Необходимо ли, въ самомъ дѣлѣ, задаваться *такимъ* вопросомъ и даже возможно ли, разумно ли? *Ради чего* останавливаться предъ нимъ и обременять этою новою ношей смущаемую и безъ того уже массою насущныхъ задачъ мысль?

Всѣ подобныя сомнѣнія умолкаютъ предъ тѣмъ неотразимымъ фактомъ, что этотъ вопросъ *существуетъ*. Онъ и не можетъ не существовать въ силу неизбѣжнаго *идеализма* человѣка, въ силу того, что все въ его жизни имѣетъ дѣйствительное значеніе и силу не какъ голый *фактъ*, но и какъ *наше пониманіе* его. Существуетъ онъ съ тѣхъ самыхъ поръ какъ человѣчество стало мыслить о себѣ, своемъ положеніи и назначеніи въ мірѣ, задалось вопросомъ о *цѣнности своей жизни*,—о томъ *что* дѣлаетъ ее—непосредственно для него дорогую—вмѣстѣ и *сознательно* желательною, достойною, святою и т. п.? Разъ человѣкъ вышелъ изъ того періода, когда онъ живетъ только непосредственною жизнью какъ растеніе (есть, по выраженію Гегеля, лишь *потому и то* что онъ *есть*) и задался вопросомъ о смыслѣ и цѣнности своего бытія (стремится и начинаетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ себя *сознаетъ*),—онъ по неизбѣжной діалектикѣ, просто, вслѣдствіе того что

жизни (Zur Gesch. u. Begruend. d. Pessim 50). Но въ полной и безпощадной законченности эта теорія презрѣнія сформулирована собственно лишь однимъ средневѣковымъ пессимистомъ, котораго приводитъ Шопенгауэръ, сказавшимъ, что по пути къ мудрости первый шагъ составляетъ презрѣніе ко всему, кромѣ себя;—второй—презрѣніе ко всему и къ самому себѣ, а третій и послѣдній—презрѣніе ко всему, къ самому себѣ и къ самому этому своему презрѣнію (слѣдовательно и къ «соединенію науки съ презрѣніемъ къ жизни»?). Изо всѣхъ пессимистовъ нашего вѣка вполнѣ вѣренъ этой нигилистической формулѣ одинъ Леопарди съ его:

Nostra vita a che val? Solo a spregiarla

Мудрецъ отличенъ отъ глупца
Тѣмъ, что онъ мыслитъ до конца,

приходитъ и къ постановкѣ вопроса въ той поражающей своею рѣзкою безпощадностью формѣ, въ какой онъ нами приведенъ выше: стоитъ ли жить? и почему стоитъ? — есть ли въ бытіи хотя что-либо *дѣйствительно* цѣнное и достойное? Небытіе поэтому не лучше ли и выше бытія?

Стоило бы, наконецъ, остановиться надъ этимъ вопросомъ уже ради того, что все родное намъ человѣчество искони такъ трагически волновалось имъ. Оно искони глубоко и искренно мучилось имъ, тщетно обращаясь за его разрѣшеніемъ, какъ въ прелестномъ стихотвореніи Гейне, и къ землѣ, и къ морю, и къ звѣздамъ небеснымъ, и ко всему необъятному міру, не отступая предъ тѣмъ, что

Катятся волны съ шумомъ обычнымъ,
Вѣтеръ несется и тучи несетъ,
Звѣзды мерцаютъ въ сіяньи холодномъ,
А бѣдный безумецъ отвѣта все ждетъ.

Но съ другой стороны, не потому ли именно и слѣдовало бы избѣгать задумываться надъ этимъ вопросомъ, что все человѣчество такъ долго и безуспѣшно билось надъ нимъ, что самая попытка разрѣшить задачу представляется безнадежною, чѣмъ-то въ родѣ задачи „вѣчнаго движенія“?

Безразсудна ли попытка отвѣтить хотя бы приблизительно на вопросъ, представляющій повидимому неодолимыя трудности, нѣтъ ли, но безъ какого-нибудь отвѣта на него оставаться *нельзя*, остановиться предъ нимъ *необходимо*. Безусловно необходимо остановиться на немъ, вопервыхъ, потому, что такой или иной отвѣтъ на него de facto составляетъ *неизбѣжное* достояніе мысли не только всякаго философа или моралиста, но— въ болѣе ли разсудочной или болѣе эмоціональной, болѣе или менѣе полной и законченной формѣ—каждаго мыслящаго и даже просто сознательно живущаго человѣка. Оптимистъ или песси-

мисть по неизбѣжной необходимости *каждый* изъ насъ. Разница между людьми здѣсь только въ сознательности, послѣдовательности, широтѣ сферъ, на которыя распространяется ихъ оптимизмъ или пессимизмъ, отсутствіи самопротиворѣчій и т. п. И это такъ потому, что, повторяемъ, человѣкъ не можетъ жить, не стремясь и *устроять* свою жизнь—(въ неискоренимости и въ то же время недостижимости полнаго осуществленія этого стремленія—даже главный драматическій мотивъ человѣческой жизни);—устроять-же свою жизнь, конечно, невозможно, не *оцѣнивая* ея, не ставя вопроса о томъ, *что* въ ней цѣнно и желательно. Во-вторыхъ, особенно необходимо остановиться на этомъ вопросѣ о цѣнности жизни (и слѣдовательно о томъ *что* именно цѣнно въ жизни и бытіи) потому, что такое или иное рѣшеніе его,—а рѣшеніе это, какъ мы сказали, ничьей мысли и ничьему чувству не остается чуждымъ,—въ отличіе отъ многихъ чисто теоретическихъ положеній, остающихся достояніемъ одной познающей мысли, не выходя изъ сферы идеальнаго, является и одною изъ *реальнѣйшихъ силъ* дѣйствительной жизни. Оно необходимо такъ или иначе опредѣляетъ наше отношеніе ко всѣмъ ея задачамъ и явленіямъ, такъ или иначе направляетъ и окрашиваетъ всю нашу дѣятельность. Ужасающій, безпросвѣтный пессимизмъ Рима предъ концомъ древняго міра *), пошленькій утилитарный оптимизмъ эпохи „просвѣщенія“ XVIII вѣка **), такъ же какъ и современный намъ, все шире, и шире разростающійся и заливающій понемногу всѣ сферы жизни пессимизмъ ***); все это не только *симптомы* извѣстнаго направленія

---

*) Поэтъ этого пессимизма—Лукрецій.

**) У оптимизма вообще меньше поэтовъ, причемъ и тѣ немногіе, которые есть у оптимизма,—только дѣйствительно—великіе поэты (какъ Гете, Шиллеръ,—у насъ Пушкинъ и Толстой А.). Мы далѣе увидимъ, почему поэтомъ оптимизма труднѣе быть чѣмъ поэтомъ пессимизма, каковъ, напримѣръ, нашъ Некрасовъ.

***) Почти всѣ поэты нашего бѣднаго поэзіей и великими поэтическими талантами времени—пессимисты. Le Pessimisme, вѣрно замѣчаетъ Caro

стремленій и опредѣленнаго состоянія силъ современныхъ имъ обществъ, но и *дѣятельныя силы,* вполнѣ реально участвующія въ опредѣленіи этого направленія и состоянія. И сами систематики и проповѣдники оптимизма или пессимизма всегда смотрѣли на исповѣдуемое ими *понятіе* о цѣнности жизни какъ на вполнѣ дѣйствительную, моральную, культурно-историческую *силу* жизни человѣчества, неизбѣжно влекущую его къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ, опредѣляющую какія изъ нихъ желательны, какія нѣтъ, опредѣляющую и самую *энергію* его стремленій. Чисто идеальное, *мысленное* рѣшеніе человѣкомъ и человѣчествомъ теоретическаго вопроса, стоитъ ли и почему стоитъ жить— опредѣляетъ къ концѣ концовъ и реальную *силу* ихъ жить, и реальную, существующую для нихъ *возможность* жить *). Рѣшая этотъ теоретическій вопросъ о фактѣ жизни, какъ онъ предлежитъ намъ, мы вносимъ поэтому измѣненіе въ самый этотъ реальный фактъ, создаемъ новый. Вопросъ такимъ образомъ изъ чисто философскаго обращается въ настоящій вопросъ жизни или смерти, въ вопросъ, безъ теоретическаго разрѣшенія котораго никому, предъ кѣмъ онъ однажды возникъ и какъ бы то ни было разрѣшается (а присущъ онъ всѣмъ безъ исключенія), невозможно и въ дѣйствительности ни съ рѣшимостію жить, ни съ рѣшимостію умирать **).

---

pessim. au XIX siècle 99—100), offre à l'magination des poètes un attrait tout particielier: c'est comme un nouveau genre de romantisme qui renouvelle le thème de leurs inspirations, un romantisme philosophique, après que l'autre s'est épuisé. Напомнимъ, что романтизмъ и въ поэзіи представляетъ почву, на которой сравнительно легче достиженіе нѣкотораго эффекта совершенно ничтожными творческими средствами. Всѣ безъ исключенія поэты, которымъ

Пятнадцать только лѣтъ, не болѣе того,—

романтики и—въ размѣрахъ своего міровоззрѣнія—пессимисты.

*) Перестать желать или стремиться, замѣчаетъ *Маудсли,* значитъ начать умирать физически, нравственно и интеллектуально (Физіологія и патологія души, стр. 153).

**) Главный учитель пессимизма, Гартманнъ, такъ, напримѣръ, разсуж-

Важность и неизбѣжность рѣшенія вопроса, значеніе его какъ дѣйствительнаго вопроса о жизни или смерти для всего мыслящаго человѣчества, будутъ выясняться намъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ мы будемъ ближе знакомиться съ разными теоретическими попытками и реальными основаніями его рѣшенія. Но ужъ теперь мы можемъ признать несомнѣннымъ, что единственный ключъ къ разрѣшенію этого жизненнаго вопроса способно дать намъ лишь обсужденіе его постановки,— разсмотрѣніе *откуда* онъ возникаетъ, *какъ* по условіямъ своего возникновенія, въ видѣ какой задачи или какихъ задачъ онъ неизбѣжно предлагаетъ себя нашей мысли? и *въ какомъ направленіи и какомъ смыслѣ* эта задача или эти задачи естественно могутъ и должны найти для себя то разрѣшеніе, безъ котораго невозможно, какъ мы сказали, ни рѣшительно, съ достоинствомъ и убѣжденіемъ жить, ни съ достоинствомъ и убѣжденіемъ умирать.

Лишь въ провѣркѣ постановки этого существеннѣйшаго не только философски, но и педагогически и культурно-исторически вопроса о цѣнности бытія,—въ опредѣленіи правильной и точной постановки его—можемъ мы разсчитывать и на пріобрѣтеніе прочнаго критерія для оцѣнки существующихъ рѣшеній

даетъ: «Если истинно то, что при прогрессивно возрастающемъ разумѣ въ мірѣ все болѣе и болѣе будутъ подкапываться *иллюзіи* бытія, пока, наконецъ, не будетъ признано, что *все суета*, то жизнь въ мірѣ, по мѣрѣ достиженія имъ цѣли своего развитія, все будетъ несчастнѣе; отсюда же должно слѣдовать, что разумнѣе всего было бы воспрепятствовать развитію міра, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Phil. d. Unbew, p. 654. Разсужденіе это вполнѣ послѣдовательно, хотя *вѣрность* его зависитъ, конечно, отъ *вѣрности посылокъ*, въ которой весь вопросъ. Непосредственно практическое примѣненіе этого послѣдовательнаго «воспрепятствованія развитію міра» (элементарнѣйшая форма его—извѣстное стремленіе шестидесятыхъ годовъ у насъ къ «упрощенію жизни») представляетъ нашъ современный нигилизмъ, связь котораго съ пессимизмомъ, съ убѣжденіемъ въ нелѣпости и тщетѣ бытія указанная между прочимъ и *Caro* (Le pessimisme au XIX siècle 2 éd. p. 27), далеко не случайна, какъ мы убѣдимся.

этого вопроса въ смыслѣ оптимизма или пессимизма, въ смыслѣ защиты правды и достоинства бытія и его началъ или осужденія бытія, какъ призрачнаго и нелѣпаго во имя желательнаго небытія. Какое изъ двухъ ученій истинно и какое ложно?—выяснится намъ само собою изъ анализа *одного* вопроса, два противуположные отвѣта на который представляютъ оптимизмъ и пессимизмъ. Поэтому намъ и нѣтъ надобности идти путемъ *сличенія* двухъ противоположныхъ ученій. Вопросъ, въ которомъ вся *суть* дѣла, во всей своей нераздѣльной цѣлости лежитъ въ основѣ каждого изъ нихъ и одинаково полно раскрывается предъ нами, съ какимъ изъ нихъ въ отдѣльности мы ни имѣли бы дѣло, съ котораго бы мы ни начали.

Но попытка выяснить вопросъ изъ основныхъ положеній *пессимизма* намъ представляется, по многимъ соображеніямъ, не предрѣшающимъ еще ничего насчетъ его истинности или ложности, предпочтительною обратному пути къ выясненію его изъ основныхъ положеній оптимизма. Предпочтительною представляется она потому прежде всего, что *какъ ученіе*, т. е. болѣе или менѣе ясно сознательное міровоззрѣніе, пессимизмъ въ наше время несомнѣнно, какъ говорится, tient le haut du pavé. Пессимистическимъ міросозерцаніемъ вдохновлены всѣ наиболѣе цѣнимыя нашимъ временемъ, наиболѣе родственныя его духу и доступныя ему произведенія литературы и искусства. Оно же болѣе или менѣе преобладаетъ и въ наиболѣе выдающихся и вліятельныхъ философскихъ системахъ нашего времени, между которыми первыя мѣста заняты „философами отчаянія и презрѣнія“, Шоппенгауэромъ и Гартманомъ. Но и какъ *настроеніе*, пессимизмъ въ современномъ обществѣ привлекаетъ къ себѣ болѣе вниманія и болѣе поучителенъ если не потому, что онъ составляетъ преобладающій тонъ въ общемъ фонѣ современной картины (о чемъ еще можно поспорить)*), то потому уже, что онъ

*) Не разъ встрѣчались мы и въ литературѣ и въ обществѣ съ мнѣніемъ, что пессимизмъ, теорія отрицанія смысла жизни и презрѣнія къ

по естественному закону, съ которымъ мы не разъ встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи, необходимо *ярче, опредѣленнѣе* и *страстнѣе* чѣмъ оптимизмъ. Послѣдній — болѣе спокойный, косный и потому какъ бы безформенный, расплывающійся, хотя бы въ *массѣ* по распространенности онъ и преобладалъ даже въ наше время. Мы далѣе увидимъ, *почему* именно недовольство, страданіе, отчаяніе и по степени своего напряженія и по яркости своей чувствуются переживающею ихъ душою *) сильнѣе, рѣзче чѣмъ противоположныя душевныя состоянія и энергичнѣе, страстнѣе, такъ-сказать, ищутъ себѣ формы, выраженія. Благодаря этой-то большей яркости и опредѣленности формъ страданія, представители наиболѣе напряженной жизни чувства въ человѣчествѣ, облекающейся въ наиболѣе опредѣленныя и яркія формы,—поэты и художники во всѣхъ отрасляхъ искусства,—являются намъ если не въ жизни своей, то въ произведеніяхъ, несравненно чаще страстно-страдающими, чѣмъ

ней, не есть *серіезная* разрушительная сила жизни, ибо онъ составляетъ. де лишь достояніе немногочисленной «аристократіи ума», «верхнихъ десяти тысячъ». Мнѣніе это едва ли въ такой же мѣрѣ вѣрно, въ какой оно *успокоительно*. Составляло же отрицаніе серьезнаго смысла жизни и презрѣніе къ ней не такъ давно еще своего рода «мундиръ», безошибочно производившій впечатлѣніе въ обществахъ (преимущественно дамскихъ), хотя бы его надѣлъ на себя юнкеръ или гимназистъ! И въ наше время не включена ли проповѣдь этого отрицанія и презрѣнія въ ставшую уже всѣмъ извѣстною въ послѣдніе годы программу современныхъ анархистовъ? Но и тѣ и другіе, конечно, не входятъ въ кружокъ «верхнихъ десяти тысячъ», на немногочисленности и безобидности которыхъ можно бы было успокоиться.

*) Г. Владиславлевъ въ своей *Психологіи* приходитъ къ выводу, что къ лишенію (страданію) мы *вдвое* чувствительнѣе, чѣмъ къ удовольствію отъ увеличенія удовлетворенія (II т., стр. 46). Вычисленія, на которыхъ почтенный психологъ основываетъ этотъ выводъ, конечно (и по собственному его сознанію) далеки отъ точности, а самые пріемы вычисленія, по нашему разумѣнію, не научны даже приблизительно; тѣмъ не менѣе истинность вывода *вообще* неоспорима.

спокойно-довольными. Пессимизмъ самъ по себѣ ярче и опредѣленнѣе, а потому уже и поучительнѣе оптимизма для изслѣдованія вопроса о цѣнности бытія. Наконецъ—и въ чисто дидактическомъ отношеніи обсужденіе ученія пессимизма болѣе обѣщаетъ, чѣмъ разборъ противоположнаго ученія оптимизма потому именно, что основныя начала оптимизма гораздо естественнѣе, проще, слѣд. *менѣе* возбуждаютъ напряженную дѣятельность мышленія. Они слишкомъ знакомы намъ для того чтобы легко сосредоточить на себѣ въ должной мѣрѣ наше вниманіе. Пессимизмъ „мудренѣе“, парадоксальнѣе и болѣе возбуждаетъ пытливость. Уже давно было сказано, что всякое развитіе мысли начинается съ „удивленія“. Оно же очень легко вызывается формулами пессимизма, тогда какъ ничто, какъ извѣстно, не постигается нами во всемъ своемъ значеніи такъ трудно, какъ самыя простыя, очевидныя и чрезъ мѣру привычныя намъ истины, подобныя тѣмъ, какія полагаются въ основу ученія оптимизма. И въ этомъ отношеніи такимъ образомъ пессимизмъ для нашей цѣли поучительнѣе. Онъ „интереснѣе“ и легче уловимъ для мысли по опредѣленности своихъ формъ. Выраженіе страданія, ужаса, отчаянія при всевозможныхъ условіяхъ вызываетъ въ зрителѣ несравненно болѣе сильное и яркое впечатлѣніе *), оно болѣе волнуетъ насъ и болѣе заставляетъ

*) Наблюденіе не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что радостные аффекты гораздо однообразнѣе, обнаруживаютъ гораздо менѣе характеристическихъ оттѣнковъ, чѣмъ аффекты имъ противоположные. Въ особенности же они отличаются тѣмъ, что всегда бываютъ болѣе субъективны (*Вундтъ*. Душа человѣка и жив. II. 33—34). Но большая субъективность при меньшей характерности, силѣ и рѣзкости внѣшняго проявленія равносильна *большей глубинѣ при меньшей энергіи:* радостные аффекты такимъ образомъ окажутся болѣе глубокими, разрастающимися во внутрь, горестные—болѣе энергичными, какъ бы *выталкиваемыми* нами наружу. Это положеніе, къ которому мы не разъ вернемся далѣе, очень важно и для пониманія значенія чувствъ въ экономіи жизни вообще и для правильнаго подведенія итоговъ страданіямъ и наслажденіямъ жизни въ особенности.

напряженно думать, чѣмъ выраженіе наслажденія, довольства и спокойной силы. Поэтому-то и существующая психологія и языкъ знаютъ особую форму чувства—*состраданіе*, но обоимъ неизвѣстно противоположное чувство со-радости или со-довольства, хотя въ душевной жизни нашей и существуютъ несомнѣнно состоянія, соотвѣтствующія этимъ рѣжущимъ ухо по своей необычности обозначеніямъ.

II.

Какимъ же путемъ приходитъ мысль къ пессимистическому или оптимистическому рѣшенію вопроса о цѣнности и достоинствѣ бытія?

Путь этотъ *одинъ* для рѣшающихъ его въ томъ или въ другомъ смыслѣ и—*для всѣхъ неизбѣженъ*. Всѣмъ одинаково суждено пройти по этому пути, въ концѣ котораго получаются противоположные результаты — страстное проклятіе жизни или благодарное благословеніе ея—не потому, чтобы самое *существо* вопроса, служащаго ему исходною точкой, было для тѣхъ и другихъ различно, но потому, что вопросъ берется ими не въ *одинаковомъ* объемѣ и значеніи. Коренится вопросъ въ самомъ существѣ *понятія жизни* вообще. Что въ самомъ дѣлѣ составляетъ существеннѣйшее въ содержаніи этого понятія? Жизнь всякаго животнаго вообще по существу своему представляетъ непрерывную цѣпь усилій, работъ, стремленій и движеній съ одной стороны, и параллельную, столь же непрерывную цѣпь соотвѣтствующихъ имъ чувствъ страданія и наслажденія — съ другой. Члены какъ того, такъ и другаго ряда въ *одинаковой* степени необходимы для дѣйствительной жизни нашей—они не побочные, случайные и переходящіе придатки къ ней, но *существенные* моменты ея. Только въ сознаніи своихъ *усилій*, *движеній* совершонныхъ съ усиліемъ, т. е. *произвольныхъ* и т. п., чувствуетъ живое существо свое бытіе, чувствуетъ себя. Въ этихъ усиліяхъ, движеніяхъ поэтому справедливо многіе психологи

самыхъ различныхъ школъ видятъ самый корень возникновенія сознанія, совершенно непонятнаго у существа, которое было бы только пассивно воспринимающимъ, неподвижнымъ и ни на что не усиливающимся (лишеннымъ первоначальныхъ стремленій). Въ дѣятельномъ движеніи, усиліи, такимъ образомъ основа *самочувствія, безъ котораго нѣтъ и самой жизни* *). Съ другой стороны, въ опредѣленныхъ качественно чувствахъ страданія и наслажденія, возможныхъ, какъ мы убѣдимся далѣе, у существа лишь постольку и въ тѣхъ направленіяхъ, въ какихъ оно *дѣятельно* **), слѣдовательно обладаетъ самочувствіемъ, существо это узнаетъ, что оно не только *есть*, но и *какъ* именно оно есть. Чувства страданія и наслажденія—неизбѣжные спутники составляющаго основу жизни (и физіологическую и психологическую) *усилія*, дѣятельнаго *напряженія*; усиліе можетъ быть предпринято и осуществлено лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы оно представляло какой-либо *интересъ*, имѣло *цѣнность*. Эта-то цѣнность (зависящая между прочимъ и отъ *различныхъ понятій* о достойномъ, желательномъ и т. п.) и дается въ чувствахъ страданія или наслажденія, а потому и рѣшается на неодинаковыхъ основаніяхъ. Въ этихъ чувствахъ самочувствіе точнѣе опредѣляется, составляя такимъ образомъ не только необходимое предъусловіе (какъ и соотвѣтствующая дѣятельность) отдѣльныхъ страданій и наслажденій, но и всегда *данную вмѣстѣ съ ними и единственную и естественную единицу мѣры для нихъ* ***).

И звенья одного ряда и звенья другаго суть въ то же время *наиболѣе извѣстное* намъ, непосредственно достовѣрное для каждаго содержанія его сознанія, его жизни. Какъ бы ни была велика между людьми разница въ ихъ умственномъ уровнѣ, въ массѣ,

---

*) Ср. напр. *Delbeuf* la Psych. comme sc. natur. p. 13 seq.

**) Пока ограничусь ссылкой, не говоря о старыхъ учителяхъ въ наукѣ о чувствѣ, Спинозѣ и Аристотелѣ, но на новыхъ психологовъ, какъ Herwiez, Dumont, Bouiller, Hamilton и др., у насъ Ушинскій, Владиславлевъ.

***) Это послѣднее положеніе, очень важное для всей нашей теоріи чувствъ, въ особенности просимъ замѣтить.

ясности, порядкѣ и точности знаній ихъ о явленіяхъ окружающаго міра, или ихъ мыслей о собственномъ назначеніи, — собственныя усилія, напряженія и соотвѣтствующія чувства страданія или наслажденія для всѣхъ въ *одинаковой степени* непосредственно достовѣрны, ясно и точно вѣдомы. Разницы въ степеняхъ достовѣрности этихъ состояній не существуетъ. Въ этихъ состояніяхъ, и только въ нихъ, дается живому существу сознаніе собственнаго своего бытія, *самочувствіе*. А оно—несомнѣннѣйшее, достовѣрнѣйшее и самое основное изъ всего содержанія его сознанія, такъ какъ въ самочувствіи—въ концѣ-концовъ послѣднее непосредственное ручательство и мѣра ясности, точности и понудительности всего прочаго содержанія сознанія. Какъ нѣтъ между этими состояніями души, непрерывное теченіе которыхъ составляетъ основную подкладку всей жизни ея, различія по степени ихъ *достовѣрности* для переживающаго ихъ существа, такъ же нѣтъ между ними и различія въ степени ихъ *реальности* для него. Въ нихъ и только въ нихъ онъ имѣетъ самочувствіе, единственную основу и ручательство для него всякой реальности вообще—и его собственной, и окружающихъ его явленій. Чувство напряженія, чувство боли или наслажденія и т. п. составляютъ одинаково несомнѣнное, достовѣрное и наиреальнѣйшее содержаніе душевной жизни какъ германскаго философа-пессимиста, такъ и прожигающаго жизнь вивера и буддійскаго аскета и свѣтской кокетки или идущаго на Балканы изъ далекой глуши умирать за невѣдомыхъ братьевъ нашего крестьянина. Всякій изъ нихъ *въ равной степени* только черезъ нихъ и въ нихъ сознаетъ свое бытіе. Для всякаго его самочувствіе есть единственная *непосредственная* мѣра всякой реальности вообще. Для всякаго поэтому чувства, чрезъ которыя дается ему эта послѣдняя единица мѣры его собственной жизни и его отношеній къ окружающему міру, имѣютъ не только одинаковую достовѣрность и реальность *), независимо отъ всевоз-

*) Вообще, какъ замѣчаетъ *Taubert*: auf das Gefühl ist die Kategorie

можныхъ различій въ ихъ положеніи, развитіи и т. п., но и одинаково реальную цѣнность *). Только въ нихъ и черезъ нихъ дается человѣку, ктобъ онъ ни былъ, сознаніе его бытія, только въ ихъ же цѣнности и черезъ ихъ цѣнность для него дается ему непосредственно и цѣнность этого его бытія. Пока для него имѣютъ цѣнность его чувства усилія, страданія и наслажденія, и въ той мѣрѣ, въ какой они для него имѣютъ цѣнность,—сохраняетъ для него цѣнность и его бытіе. А цѣнность, для каждаго безразлично, его чувства имѣютъ до тѣхъ поръ и въ той мѣрѣ, пока и въ какой мѣрѣ у него сохраняется его послѣдняя единица всякой мѣры его жизни и внѣшняго міра вообще, его самочувствіе,—для всякаго безразлично, *въ одинаковой степени достовѣрное, реальное и положительно-цѣнное.* Пока *есть* самочувствіе, оно цѣнно и реально, и въ одинаково степени цѣнно и реально для всякаго; въ одинаковой же степени положительно цѣнно и реально и сказывающееся въ немъ всякому бытіе его: *для всякаго безразлично его бытіе цѣнно и—цѣнно въ одинаковой степени.* Мои страданія и наслажденія теперь, когда я пишу эти строки, далеко не тѣ страданія и наслажденія, въ какія облекалось самочувствіе шестнадцатилѣтняго юноши или пятилѣтняго ребенка; но и теперь и въ шестнадцать лѣтъ и въ пять страданія мои и наслажденія, какъ ни различны они по возбуждающимъ ихъ поводамъ и цѣлямъ соотвѣтствующихъ стремленій, по своей подвижности и глубинѣ,

---

der Wahrheit und Unwahrheit gar nicht anwendbar, da es eine unmittelbare Realitaet in sich selber ist und diese seine Realitaet von der Wahrheit, oder Unwahrheit der Vorstellungen die bei seiner Entstehung mitgewirkt haben gar nicht beruehrt wird. (der Pessimismus u. s. Gegner. 18).

*) Мы полагаемъ излишнимъ доказывать, почему самочувствіе, *какъ единица мѣры* всякаго чувства, всякой достовѣрности и реальности, а слѣдовательно и всякой цѣнности вообще какъ въ области нашего внутренняго, такъ и въ области внѣшняго міра,—*необходимо положительно—цѣнно.* Основная единица мѣры не можетъ не быть положительною, а что самочувствіе есть единственная *основная* мѣра—несомнѣнно.

Библ. Социалист. Академ.

простотѣ и сложности, — совершенно одинаково достовѣрны, реальны и цѣнны для ребеика, юноши и мужа, которые переживали ихъ. Одинаково реально, достовѣрно и цѣнно было и выражавшееся въ тѣхъ различныхъ во многихъ отношеніяхъ чувствахъ бытіе для сознававшаго его ребенка, юноши и мужа *). Бытіе словомъ цѣнно въ той мѣрѣ и потому, что оно *есть*, а есть оно всегда лишь въ одной степени, слѣдовательно бытіе,— пока оно есть, *одинаково* цѣнно; жизнь цѣнна, пока она сознается мною, пока я живу и имѣю силы жить **). Съ этой точки зрѣнія очевидно не представляется никакой возможности для самой постановки *вопроса* о цѣнности жизни. Вопросъ рѣшенъ здѣсь уже самымъ *фактомъ* жизни: я живу,—слѣдовательно жизнь для меня имѣетъ цѣнность и—ровно столько, сколько я живу, то-есть сознаю себя живущимъ. Здѣсь такимъ образомъ невозможенъ пессимизъ; это—точка зрѣнія непосредственнаго, наивнаго оптимизма, прямо признающаго бытіе цѣннымъ, естественнаго и, такъ сказать, физіологическаго (мы далѣе увидимъ,

---

*) Очень вѣрно поэтому замѣтила гдѣ-то Жоржъ-Зандъ, что плохое свидѣтельство своему уму и сердцу выдаетъ тотъ, кто къ своему прошедшему относится только отрицательно и съ презрѣніемъ. Мало ли, впрочемъ, у нашего времени историковъ и «мыслителей», даже щеголяющихъ *такимъ* отношеніемъ ко всей предшествующей исторіи человѣчества?!

**) Pourquoi le sentiment de l'être est-il pour nous le premier des plaisirs en date, en durée et en étendue? Pourquoi aimons-nous par dessus tout l'existence? c'est que la vie est, comme l'a dit profondément Aristote, une sorte d'acte, c'est que nous n'existons que par la continuité de cette activité qui est notre essence même et la source de tout plaisir. Nous n'aimons pas seulement la vie à cause des biens et des plaisirs, dont elle nous permet de jouir; nous l'aimons pour elle même, indépendemment de tous les biens, de toutes les circonstances, qui peuvent plus ou moins nous y attacher; nous l'aimons même en dépit de tous les malheurs, de toutes les souffrances, qui devraient nous la faire prendre en haine. Il y a la joie de l'existence, «the injoyement of existence», comme dit Hamilton, qui n'a pas d'autre cause, que la conscience même d'exister (*Bouiller*. Du plaisir et de la douleur, 2 éd. 65—66), то-есть безусловно-цѣнно—*самочувствіе*.

почему его можно назвать физіологическимъ и не только a potiori).

Такова точка зрѣнія каждаго *единичнаго* момента жизни, взятаго въ его *отдѣльности*, непосредственной реальной переживаемости кѣмъ бы то ни было. Она—одна для ребенка, юноши ли, мужа ли, старика ли въ агоніи или безнадежно больного, въ жесточайшихъ мученіяхъ и безъ всякой тѣни надежды на исцѣленіе упорно и съ неимовѣрнымъ усиліемъ удерживающаго однако послѣднія болѣзненныя впечатлѣнія быстро отлетающей жизни, только потому, что въ этихъ впечатлѣніяхъ онъ чувствуетъ себя еще живущимъ *). На этой точкѣ зрѣнія *единичнаго* момента жизни въ его отдѣльности, какъ онъ *непосредственно* переживается, всякій—естественно и по необходимости оптимистъ: жизнь цѣнна въ этотъ моментъ (каковы бы ни были его страданія) просто потому, что она *сознается* (хотя бы только въ самочувствіи), а цѣннѣе, реальнѣе самочувствія, сознанія своего бытія, въ концѣ-концовъ ничего для живаго существа нѣтъ, и во имя *его* цѣнности—цѣнно и самое бытіе. Цѣнить одно—значитъ цѣнить и другое, удерживать одно—значитъ удерживать и другое. Поэтому эта точка зрѣнія единичнаго сознаваемаго момента жизни есть естественно и необходимо не только точка зрѣнія естественнаго и необходимаго оптимистическаго самочувствія, но и—естественнаго и необходимаго самосохраненія, утвержденія своего бытія **).

---

*) Какъ сказалъ Lafontaine:

Le plus semblable aux morts meurt le plus à regret.

**) *Лотце* (Микрокосмъ. I. 315) совершенно вѣрно замѣчаетъ, что данное въ самосознаніи (самочувствіи) знаніе *я*, какъ противополагаемаго всякому *не я*, отличается отъ всѣхъ прочихъ сознаваемыхъ нами различій и противоположеній не своимъ *теоретическимъ*, *предметнымъ* содержаніемъ (какъ понятіе одного предмета различается отъ понятія другаго), но своей *непосредственной и несравнимой цѣнностью*. Такая цѣнность—прибавимъ—ему не можетъ не принадлежать именно потому, что оно раждается въ сознаніи моихъ *усилій*, *моихъ дѣятельныхъ напряженій*, а не

Неизбѣжность этой оптимистической, стремящейся къ утвержденію своего бытія точки зрѣнія, для всякаго во всякій *отдѣльный* моментъ его жизни, вытекаетъ изъ того обстоятельства, что этотъ моментъ вообще *цѣнится какъ бы то ни было* переживающимъ его существомъ, утверждается или отрицается имъ только въ той мѣрѣ, въ какой онъ *сознается* (даетъ о себѣ знать въ самочувствіи). Слѣдовательно безусловно, основнымъ образомъ цѣннымъ остается въ немъ прежде всего и неизмѣнно самое *условіе* возможной оцѣнки, то-есть *самое сознаніе*, *самочувствіе*. Сознаніе можетъ отрицать, можетъ стремиться удалить изъ своего района *то или другое* отдѣльное, квалифицированное такъ или иначе чувство, то или другое ощущеніе или представленіе. Но отрицать само себя какъ самочувствіе, какъ сознаніе, оно не можетъ, *своего* собственнаго самоутвержденія оно не можетъ прервать. Не можетъ же оно этого потому, что если бы ему и удалась эта попытка отрицанія себя, своего самочувствія, самоутвержденія,—то достигнутый результатъ, то-есть отсутствіе сознанія и самочувствія, никѣмъ не былъ бы сознаваемъ и оцѣниваемъ, то-есть *никакой въ какомъ бы то ни было отношеніи цѣнный результатъ вовсе и не былъ бы достигнутъ*. Сознаніе можетъ судорожно порываться отъ одного своего содержанія къ другому, не удовлетворяясь ни однимъ изъ смѣняющихся въ этихъ порывахъ содержаній; оно можетъ стремиться къ освобожденію отъ всякаго изъ нихъ,—но стремиться *не быть* сознаніемъ, самочувствіемъ вообще оно не можетъ по коренному существу своему. Оно есть *опредѣляющая*, *различающая*, *по-*

изъ какихъ-то состояній пассивнаго и безучастнаго воспріятія, отъ безплодной фикціи которыхъ большинство психологовъ уже освобождается въ наше время. Эта цѣнность, далѣе, безусловна и поэтому только положительна. Она же, вслѣдствіе этой своей безусловности и положительности, составляетъ и единственную *основную единицу мѣры цѣнности* (психологъ пойметъ всю важность этого нашего положенія) всѣхъ другихъ нашихъ душевныхъ состояній и всѣхъ объектовъ мысли и воли, цѣнность которыхъ только условна и относительна.

*

лагающая дѣятельность и только,—а потому и не можетъ полагать чего-либо, стремиться къ чему-либо, отрицающему всякое опредѣленіе, *вообще*, всякую различенность и т. п. Оно *не можетъ* отрицать само себя, *всегда само для себя цѣнно*, а потому непосредственно, во всякій единичный моментъ своей жизни, всякое чувствующее эту жизнь существо естественно и необходимо оптимистично. Непосредственно для всякаго въ *этотъ* моментъ его чувствуемое бытіе цѣнно, и эта положительная оцѣнка своего бытія естественно и необходимо выражается въ стремленіи къ самоутвержденію, самосохраненію.

„Всякое чувство, замѣчаетъ Горвичъ (Psych. Anal. a. phisiolog. Grundl. I. 169), есть прямое выраженіе стремленія души къ самосохраненію". Но для души это стремленіе—и потому что оно *стремленіе* и потому что она *душа*—осуществляется не просто тѣмъ что она сохраняется, *есть*, а тѣмъ что она *узнаетъ* что она есть, что она есть *для себя*. Стремленіе къ самосохраненію совпадаетъ со стремленіемъ къ подтвержденію себѣ своего бытія въ *самочувствіи*. Внѣ самочувствія, подтвержденія *себѣ* своего бытія,—нѣтъ и никакого дѣятельнаго *стремленія* къ самосохраненію, а есть простая косность, невѣдомое себѣ пребываніе. Стремленіе къ самосохраненію неотдѣлимо поэтому отъ стремленія къ *сознательности своего бытія*, которая такимъ образомъ есть не accidens, не случайная прибавка къ существеннымъ признакамъ *жизни*, но самый существенный изъ этихъ признаковъ. Поэтому и самочувствіе не только необходимый *спутникъ*, проявленіе жизни, но и необходимое *условіе* ея, и *энергіею одного опредѣляется и энергія другаго*: нѣтъ жизни безъ самочувствія и ослабленное самочувствіе—есть и ослабленіе жизненной энергіи. Поэтому же самочувствіе и всегда, вездѣ для всѣхъ и во всѣхъ положеніяхъ только *положительно цѣнно* и составляетъ положительную единицу мѣры для цѣнности, такой или иной, всѣхъ другихъ душевныхъ состояній нашихъ. Точка зрѣнія самочувствія есть точка зрѣнія *самой жизни* въ ея реальной переживаемости.

На этой точкѣ зрѣнія,—а на ней останется необходимо всякій, будь онъ философствующій съ успѣхомъ пессимистъ въ родѣ Гартманна, или интересничающій передъ княжною Мери своею солдатскою шинелью и разочарованностью, въ нетерпѣливомъ чаяніи прозаическихъ прапорщичьихъ эполетъ, юнкеръ, или самъ умный Печоринъ, или Іоаннъ Дамаскинъ у графа А. Толстаго *), поскольку всякій изъ нихъ реально переживаетъ отдѣльные моменты своей жизни, вѣдомые ему и цѣнные въ своей непосредственной переживаемости,—естественный оптимистъ **). Самый вопросъ о возможности пессимизма здѣсь, повторяемъ, немыслимъ: жизнь здѣсь цѣнна потому, что она есть, и сколько есть ея, столько и ея цѣнности ***).

Для того чтобы задаться *вопросомъ*: дѣйствительно ли стоитъ жить, дѣйствительно ли цѣнно бытіе?—нужно сойти съ этой естественной точки зрѣнія единичнаго момента жизни въ его непосредственной реальной переживаемости. Нужно стать на другую болѣе общую точку зрѣнія, подводящую мысленные *итоги* всѣмъ этимъ непосредственно цѣннымъ въ своей единичности моментамъ, изъ этихъ итоговъ выводящую уже и болѣе общую оцѣнку всей жизни всего бытія въ *ихъ цѣломъ*. Только на этой точкѣ зрѣнія, *отрѣшающейся отъ непосредственной*,

---

*) Всѣмъ конечно памятно это несравненное мѣсто:

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды, и т. д.

**) Для *этой* точки зрѣнія безусловно вѣрно замѣчаніе *Лотце*, что «для нашего взгляда на чувственность важно не то, какой *смыслъ* можетъ *кто-либо* найти въ ея отправленіяхъ; главное—какой смыслъ въ моментъ ихъ выполненія связываетъ съ ними сама ощущающая душа и связываетъ необходимо, хотя и не уясняя ихъ себѣ размышленіемъ до нашего сознанія (*Микрокосмъ*. II. 213).

***) Едва ли возможно сказать поэтому что-либо болѣе несообразное и съ опытомъ и со здравымъ смысломъ и съ психологическою наукой, чѣмъ эти слова *Secrétan*: «L'experience est pessimiste, la raison est optimiste en dépit de l'experience». Вѣрно именно обратное.

реальной переживаемости составляющихъ жизнь во всей ея реальности моментовъ и ихъ условій (это въ особенности просимъ замѣтить) и возникаетъ *вопросъ* о *дѣйствительной* цѣнности бытія, жизни, вопросъ: не есть ли эта непосредственная и несомнѣнная цѣнность реальныхъ моментовъ жизни *только мнимая?* Выдерживаетъ ли естественное, непосредственное признаніе цѣнности жизни, произносимое нами необходимо въ самомъ ея реальномъ переживаніи, критику передъ лицомъ строгой рефлексіи подводящей итоги жизни въ цѣломъ и отсюда производящей оцѣнку ея? Обращая вниманіе читателя здѣсь лишь на то обстоятельство, что самая точка зрѣнія, на которой открывается возможность постановки вопроса пессимизма, есть *позднѣйшая, вторичная, не устраняющая поэтому вполнѣ и не упраздняющая ни въ какомъ случаѣ первоначальной точки зрѣнія естественнаго оптимизма* реальной переживаемости непосредственной жизни (независимой отъ рефлексіи вполнѣ или по меньшей мѣрѣ отчасти), замѣтимъ, что необходимость перенестись для постановки вопроса на эту вторичную, позднѣйшую точку зрѣнія рефлексіи признается самими систематиками пессимизма *). Нисколько не подвергая сомнѣнію того вполнѣ очевиднаго факта, что всѣ живыя (чувствующія свою жизнь) существа, по скольку они живутъ *непосредственною* жизнью, естественно и необходимо *цѣнятъ* положительно эту свою ре-

---

*) Каждое существо, говоритъ Гартманъ, счастливо по его собственнымъ ощущеніямъ и оцѣнкѣ. Страданіе и наслажденіе существуютъ лишь постольку, поскольку они ощущаются; значитъ, внѣ ощущающаго ихъ субъекта они не имѣютъ никакой реальности. Слѣдовательно имъ принадлежитъ объективная реальность не прямо, а посредствомъ объективной реальности субъекта, въ которомъ они существуютъ. Для реальности ощущенія нѣтъ иного масштаба, кромѣ субъективнаго, а потому чувство, какъ такое, не можетъ заключить въ себѣ ни обмана, ни лжи (Phil. d. Unbew. *Hartmann* p. 650. Ster. aus g.). Но оно, продолжаетъ онъ, можетъ быть основано на *иллюзіи* (ibid) раскрывающейся въ своемъ истинномъ характерѣ для существа, стоящаго на высшей ступени разумности (ibid. c.).

альную, непосредственную жизнь и стремятся къ ея сохраненію, къ подтвержденію ея для себя въ формѣ самочувствія *), они ставятъ вопросъ: не есть ли эта оцѣнка въ сферѣ *непосредственной сознающей себя реальности* только заблужденіе—это стремленіе—мнимое, ложное, лишенное всякаго внутренняго достоинства съ высшей *точки зрѣнія рефлексіи?* Не ради предрѣшенія спора между оптимизмомъ и пессимизмомъ, но лишь ради болѣе опредѣленнаго, рѣзкаго выраженія вопроса, укажемъ на то, что вопросъ собственно состоитъ такимъ образомъ въ томъ: *кто* правъ и кто заблуждается въ оцѣнкѣ жизни и бытія вообще,—само ли реальное знающее себя бытіе, вся реальная жизнь котораго этою именно положительною оцѣнкой (въ самочувствіи, стремленіи къ самосохраненію и т. п.) обусловлена, или же—рефлексія того или другаго изъ размышляющихъ объ этомъ реальномъ бытіи и въ той или другой мѣрѣ постигающихъ его философовъ?

Какъ ни парадоксаленъ этотъ вопросъ *мысли*, сомнѣвающейся въ томъ, не есть ли сама *реальность*, о которой она судитъ только *иллюзія* **), а парадоксальнымъ представляется онъ уже въ виду высказаннаго нами и всѣми признаваемаго (хотя и не въ приданной ему нами формѣ) положенія, что во *всякомъ моментѣ* реальной непосредственно-переживаемой и такъ или

---

*) Стремятся собственно къ тому, что даетъ ей реальную цѣнность и дѣлаетъ ее жизнью, то-есть къ *самочувствію*.

**) Напомнимъ разсужденіе господина Струве: «пессимизмъ, собственно говоря, утверждаетъ, на основаніи *своего* разума, что въ мірѣ нѣтъ разума, что міръ дурно устроенъ. Но этимъ пессимистъ противорѣчитъ самому себѣ, ибо, признавая *свой* разумъ *судьею* устройства міра, eo ipso признаетъ, что міръ устроенъ *не неразумно*, коль скоро произвелъ его *разумъ*; итакъ онъ не имѣетъ основанія признавать *свой* разумъ разумнѣе, лучше и совершеннѣе разума, дѣйствующаго въ бытіи и создавшаго разумъ человѣка. Въ признаніи же существованія разума высшаго чѣмъ разумъ человѣческій заключается начало разумнаго *оптимизма* (Послѣдн. произв. философск. пессимизма. Струве въ Р. В. 1873 года, № 1-й, стр. 81).

иначе цѣнимой жизни чувствующаго, живаго существа, какъ бы ни былъ этотъ моментъ мучительнымъ, необходимо есть и нѣчто *положительно цѣнное* наряду съ мученіями его, а именно самочувствіе, сознаніе своего бытія (а черезъ него и всякаго другаго бытія),—считаться съ нимъ необходимо, прямо отвергать его безъ дальнѣйшихъ опредѣленій нельзя. Въ *самомъ существѣ* сознанія (на какой бы то ни было ступени его развитія), безъ котораго жизнь сама себя не знаетъ, слѣдовательно не имѣетъ ни непосредственной цѣнности, ни собственной (не обусловленной чьимъ либо стороннимъ сознаніемъ) реальности, лежитъ, что сознающее свою жизнь существо *различаетъ* переживаемый имъ непосредственно моментъ своей жизни отъ пережитаго. Только потому, что оно различаетъ его—*и сознаетъ оно его какъ измѣненіе въ своемъ бытіи*. Оно поэтому знаетъ и, слѣдовательно, цѣнитъ свою жизнь не только въ непосредственномъ *реальномъ переживаніи* настоящаго, единичнаго момента ея (самъ по себѣ всегда положительно цѣннаго), но и *въ идеальномъ воспроизведеніи* пережитаго, воспоминаемаго и наступающаго, ожидаемаго моментовъ и въ сопоставленіи ихъ съ настоящимъ. Отъ обоихъ настоящій, реально-переживаемый моментъ долженъ быть различенъ имъ, только чрезъ это различеніе получая и самъ свою вполнѣ опредѣленную сознаваемость. Сознаніе, какъ дѣятельность различающая различные моменты бытія и слѣдовательно соотносящая ихъ между собою *), а не просто принимающая къ свѣдѣнію всякій изъ нихъ *въ его единичности*, по существу своему должно *подводить итоги* раз-

*) Классически выражаетъ эту необходимость *Dumont*: Au fond de toute connaissance il y a comparaison, apperception des différénces, distinction en un mot. Or deux sensations auront beau être juxtaposées; aucune des deux ne peut se distinguer de l'autre, car pour cela il faudrait qu'elle eut conscience de l'autre en même temps que d'elle-même. Il faut absolument, pour qu'il y ait connaissance, qu'elle soient deux phénomènes contigus d'un seul et même sujet. (*Theorie scientifique de la sensibilité*, p. 93).

личнымъ по времени и содержанію моментамъ своей жизни. Оно со внутреннею необходимостью вовлекается изъ сферы одной непосредственной реальной переживаемости отдѣльныхъ моментовъ своей жизни въ область *идеальнаго сужденія* о ихъ совокупности. Жизнь для сознающаго ее существа, по самому существу сознанія, имѣетъ такимъ образомъ не *одну* ту реальную цѣнность, какую имѣютъ для него всѣ моменты ея въ ихъ непосредственной переживаемости, — всякій изъ нихъ, какъ мы знаемъ, *положительно цѣненъ*, — но и другую цѣнность, идеальную, являющуюся въ результатѣ мысленнаго сличенія разныхъ моментовъ, подведенія итога имъ. Такая *двойственность оцѣнки жизни* безусловно необходима для всякаго существа, которое вообще *можетъ* въ какой бы то ни было мѣрѣ цѣнить свое бытіе, такъ какъ она вытекаетъ изъ необходимаго условія всякой возможной оцѣнки — сознанія какъ различающей, а слѣд. и сопоставляющей дѣятельности. Но если вполнѣ несомнѣненъ положительный характеръ оцѣнки бытія въ непосредственномъ реальномъ переживаніи его, цѣнящимъ его существомъ, то далеко не несомнѣненъ результатъ оцѣнки идеальной, извлекаемой изъ подведенія итоговъ a parte post и a parte ante, одинаково *необходимой* какъ и первая по самому существу сознанія. Какъ непосредственно, реально-живущее существо, я не могу не цѣнить всякаго момента этой реально переживаемой жизни *положительно*, но поскольку я *размышляю* о своей жизни, съ ея пережитыми и ожидаемыми идеально-воспроизводимыми горестями, заботами и радостями, такой необходимости признать и въ *идеальной* оцѣнкѣ мою жизнь положительно цѣнной, для меня a priori еще не существуетъ. Здѣсь уже недостаточно той данной вмѣстѣ съ непосредственнымъ чувствомъ страданія или наслажденія *мѣры* его въ самочувствіи, которая и всегда — положительна и сама по себѣ опредѣленна. Являются другія мѣры для оцѣнки *идеально-воспроизводимой* въ своемъ цѣломъ жизни, — мѣры идеальныя, могущія быть и истинными и ложными и добрыми и злыми. Таковы наши понятія, должнаго и желательнаго, цѣн-

наго и прекраснаго, имѣющія въ разныхъ умахъ такія различныя достоинство, полноту и очевидность. При этомъ становится понятнымъ, что, какъ замѣчаетъ г. Владиславлевъ (*Психологія*, II. 44): „Источникъ пессимизма и оптимизма можетъ заключаться не въ сердцѣ, а въ мѣрѣ, которою измѣряются событія и вещи въ мірѣ; нездравомысленная и неестественная мѣра будетъ вызывать неестественныя и неумѣстныя чувствованія“.

Результатъ этой второй мысленной, но не менѣе необходимой оцѣнки, самъ по себѣ (независимо отъ избранныхъ критеріевъ, мѣръ оцѣнки) еще не очевидѣнъ. Онъ можетъ совпасть, но и не совпасть съ положительнымъ результатомъ первой непосредственной оцѣнки, и можетъ совпасть или не совпасть съ нимъ вполнѣ или только отчасти. У разныхъ существъ онъ можетъ быть весьма и различенъ *). Одна оцѣнка съ точки зрѣнія другой, не менѣе необходимой, можетъ оказаться и вѣрною и вполнѣ и отчасти иллюзорною, ошибочною. Вопросъ оптимизма или пессимизма, сначала звучавшій ничѣмъ неоправданнымъ парадоксомъ, оказывается такимъ образомъ и необходимымъ по самому существу сознанія, для котораго только и есть какая-либо положительная или отрицательная цѣнность бытія,—и вполнѣ

---

*) «Для реальности ощущенія, говоритъ *Гартманнъ*, нѣтъ инаго масштаба, кромѣ субъективнаго, а потому чувство, *какъ такое*, не можетъ заключать въ себѣ ни обмана, ни лжи». Но если несомнѣнно, что оцѣнка жизни каждаго существа должна быть произведена на основаніи его собственнаго субъективнаго масштаба, причемъ иллюзія и правда имѣютъ равныя права, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что каждое существо выведетъ изъ всѣхъ ощущеній своей жизни точную алгебраическую сумму или, иными словами, что его *общая оцѣнка* своей собственной жизни правильна относительно пережитыхъ имъ субъективныхъ ощущеній». Не говоря уже о томъ, что для такой суммарной оцѣнки необходима извѣстная степень ума, остается еще, во-первыхъ возможность пробѣловъ памяти и ошибокъ при сочетаніи слагаемыхъ въ сумму, а во-вторыхъ сужденіе можетъ быть искажено вслѣдствіе вліянія на него воли и безсознательнаго чувства. Ср. *Hartmann*. Phil. d. Unbew. 650-seqq.

законнымъ. Онъ оказывается къ тому же необходимымъ и законнымъ для *всякаго* существа вообще, поскольку оно сознаетъ свое бытіе и слѣдовательно такъ или иначе цѣнитъ его, то-есть (не заходя слишкомъ далеко для цѣлей нашего не метафизическаго, но психологическаго разсужденія), для каждаго страдающаго или наслаждающагося человѣка, а не для уединеннаго только моралиста, мыслителя или любителя философіи. И основывается его возможность, какъ видно, на возможномъ различіи принятыхъ мѣръ, критеріевъ идеальной оцѣнки жизни,—т. е. нашихъ понятій о должномъ, цѣнномъ, истинномъ. Отъ выбора того или другаго изъ этихъ понятій, той или другой идеальной мѣры цѣнности жизни, зависитъ и утвердительный или отрицательный отвѣтъ на вопросъ объ этой цѣнности ея въ цѣломъ.

И такъ—*въ двухъ* теченіяхъ необходимо проходитъ жизнь сознающаго ее и такъ или иначе цѣнящаго ее существа. Изъ сліянія ихъ, изъ *итога* двухъ оцѣнокъ жизни, получаемыхъ отдѣльно въ каждомъ изъ этихъ двухъ теченій и могущихъ или вполнѣ, или отчасти не совпадать, получается *общая* оцѣнка жизни, бытія. Въ первомъ основномъ теченіи непосредственной жизни, въ ея реальной переживаемости, цѣнность бытія, какъ мы видѣли, необходимо положительная, *потому что реальная основа цѣннаго бытія, самочувствіе* (я есмь, я живу) *всегда положительно цѣнно*; непосредственно сознаваемая жизнь цѣнна положительно потому, что *она есть*. На чемъ же, спрашивается, можетъ быть основана, съ какими другими элементами психической жизни, кромѣ этого только положительно цѣннаго самочувствія, должна имѣть дѣло оцѣнка бытія въ не менѣе необходимомъ, идеальномъ теченіи его, въ *идеальномъ* подведеніи итоговъ того реальнаго переживанія,—оцѣнка могущая не совпадать съ первой *) и вмѣстѣ съ нею долженствующая однако

*) Замѣтимъ уже здѣсь, что хотя и не видно a priori—будетъ ли мысленная оцѣнка жизни какъ совокупности страданій и наслажденій, совпадать съ непосредственною и положительною оцѣнкой ея въ самочувствіи

дать отвѣтъ на общій вопросъ о цѣнности бытія въ его цѣлости? Очевидно, эта вторая оцѣнка имѣетъ предметомъ *другіе* элементы тѣхъ нашихъ душевныхъ состояній, въ которыхъ жизнь наша становится для насъ вѣдома и получаетъ для насъ какую-либо цѣнность, неисчерпаемые моментомъ простого самочувствія. Эти *другіе элементы*, являющіеся дальнѣйшими опредѣленіями только положительно цѣннаго самочувствія, но сами могущіе имѣть уже не только положительную, а и отрицательную цѣнность, суть опредѣленія самочувствія въ состояніяхъ *страданія и наслажденія* Въ страданіяхъ и наслажденіяхъ, изъ непрерывной смѣны которыхъ слагается вся наша сознаваемая жизнь и чрезъ которыя она намъ даетъ знать о своей цѣнности, — намъ дается необходимо и реальная основа жизни и сознанія вообще — самочувствіе,—но вмѣстѣ и нѣчто бо̀льшее. Дается дальнѣйшее опредѣленіе его: испытывая ихъ, я познаю не только что *я есмь*, но и то *какъ я есмь* *).

или же—расходиться съ нею, но a priori можно съ увѣренностію сказать, что *и идеальная оцѣнка жизни не можетъ быть только отрицательною.* Это потому такъ, что и *въ основѣ мысли*, которая должна произнести ее, лежитъ элементъ столь же непосредственно достовѣрный, реальный и по необходимости положительно цѣнный, какъ достовѣрно, реально и положительно цѣнно лежащее въ основѣ жизни чувства самочувствіе.—Этотъ основной элементъ мысли, философской ли, не философской ли, есть сознаніе *я мыслю.* Если это основаніе мысли—сознаніе «я мыслю» и достовѣрно и реально и положительно цѣнно (какъ послѣдняя единица мѣры цѣнности самой мысли), то очевидно что мысль безъ полнѣйшаго самоотрицанія не можетъ сказать: *все есть иллюзія, призракъ и отрицательно цѣнное въ сравненіи съ небытіемъ.* А такова именно формула философскаго пессемизма!

*) Das Gefühl ist das unmittelbare Bewusstsein der momentanen. Steigerung, oder Herabstimmung der eigenen psychischen Lebensthaetigkeit (*Nahlowsky* das Gefuehlsleben d. S. 48). Que l'activité soit excitée du dedans ou du dehors, c'est toujours à elle, et à elle seule, qu'il faut en revenir, si l'on veut remonter à la source unique du plaisir et de la douleur. L'objet n'est pas agréable par lui meme; il ne l'est qu'autant qu'il favorise la perfection

Самочувствіе само по себѣ только положительно—цѣнно, и итогъ какого угодно ряда состояній самочувствія можетъ дать поэтому только положительную же цѣнность. Иное дѣло *мысленный* итогъ состояній страданія и наслажденія. Здѣсь возможны разныя рѣшенія. Здѣсь возможны и разные вопросы: чего въ жизни больше, *что* преобладаетъ въ ней нормальнымъ образомъ по условіямъ ихъ возникновенія и теченія: страданіе ли или наслажденіе? И *такъ ли въ одинаковой* степени и значимости чувствуются эти противоположныя состоянія переживающимъ ихъ существомъ,—такое ли одинаковое *значеніе* имѣютъ они въ экономіи его жизни, чтобы одно могло въ общемъ счетѣ уравновѣшивать другое при количественномъ равенствѣ страданій и наслажденій жизни? Или же *цѣна* имъ несоизмѣримо различная, и цѣлой массы наслажденій въ мірѣ *недостаточно* для того, чтобы уравновѣсить одно единственное страданіе, заплатить за него, въ чемъ, напримѣръ, Шоппенгауэръ рекомендуетъ убѣдиться, сравнивая наслажденіе звѣря, пожирающаго другаго, съ качествомъ и количествомъ страданій пожираемаго? И существуетъ-ли вообще цѣнность переживаемыхъ нашею душою состояній чувства, *независимая* отъ различной у разныхъ индивидуумовъ *впечатлительности*, *воспріимчивости ихъ*, опредѣляемой у всякаго его *идеальными* вѣрованіями, стремленіями, убѣжденіями и привычками *)? И наконецъ: если бы итогъ страданій и наслажденій жизни въ концѣ концовъ показалъ бы перевѣсъ страданія и по качеству и по количеству, далъ бы отри-

---

de l'énergie (*Bouiller.* Du plaisir et de la douleur, 2-e ed. pp. 61—62). А именно *основаніе* всякаго чувства, *дѣятельное напряженіе*, усиліе живаго существа, и вѣдомо намъ въ формѣ самочувствія, составляющаго такимъ образомъ условіе чувства (мы далѣе увидимъ какъ тонъ и энергія самочувствія опредѣляютъ самую *чувствительность*, даютъ *мѣру* чувствъ), также какъ оно есть и первичная форма *сознанія* вообще (ср. *Horwicz*).

*) Вѣдь та же причина, которая во мнѣ вызываетъ наслажденіе, въ дикарѣ, да и во мнѣ самомъ въ другихъ условіяхъ можетъ вызвать страданіе! Воспріимчивость и ея причины здѣсь—главное.

цательную цѣнность жизни съ точки зрѣнія наслажденій и страданій, *то достаточно ли отрицательнаго результата этой оцѣнки жизни для того, чтобы уравновѣсить и отринуть противоположный результатъ оцѣнки жизни какъ непосредственной, реально переживаемой, то-есть оцѣнки ея въ самочувствіи, которое всегда и безусловно положительно цѣнно?* Достаточно ли признанія—много ли, мало ли мотивированнаго,—что въ общемъ итогѣ жизнь представляетъ перевѣсъ страданія надъ наслажденіемъ и по массѣ его и по качеству и по интенсивности, для того, чтобы, *не принимая въ разсчетъ* той положительной цѣнности, которую придаетъ жизни непрерывный рядъ составляющихъ ея основу моментовъ самочувствія, сказать, что жить *не стоитъ*, что небытіе выше, лучше и умнѣе бытія *)?

Безъ отвѣта на *этотъ* послѣдній вопросъ, какъ мы видимъ, и самая точная и глубокая оцѣнка жизни съ точки зрѣнія ея наслажденій и страданій не рѣшаетъ еще общей задачи: опредѣлить *цѣнность самосознающаго бытія* вообще. Такой отвѣтъ необходимъ, не повторяя предшествующихъ общихъ соображеній, во-первыхъ, въ виду цѣлой массы всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, въ которыхъ мы видимъ какъ *наслажденіе повышеннаго самочувствія* не только уравновѣшиваетъ, но и безконечно превосходитъ массу невѣроятно мучительныхъ страданій. Таково извѣстное всякому наблюдавшему за собой удовольствіе, болѣе или менѣе ясно испытываемое нами, когда мы предаемся въ сущности весьма тягостному чувству гнѣва; или наслажденіе въ мукѣ половаго возбужденія, и подобное же наслажденіе, испытываемое поэтомъ, художникомъ и т. п. въ болѣзненныя минуты творческаго возбужденія. Таковы и всѣ примѣры геройскаго

*) Мы намѣренно ставимъ вопросъ «ребромъ»; слишкомъ серіозенъ, жизненъ онъ для того, чтобы оставлять его въ туманѣ, сохраняя въ немъ открытую дверь для диллетантской или виртуозной игры понятіями и словами!

самопожертвованія, наслажденія аскета или экстатика-фанатика, христіанскіе мученики въ циркѣ, мучительно и безнадежно больные, не рѣшающіеся, однако, разстаться съ жизнью, несмотря на то, что она для нихъ невыносимое страданіе, самоубійцы, сами лишающіе себя самаго дорогаго блага—жизни и т. п. *). Съ этими фактами нельзя не считаться, нельзя не принимать ихъ въ разсчетъ въ вопросѣ о реальной цѣнности бытія. Во-вторыхъ, невозможно обходить послѣдняго изъ поставленныхъ нами вопросовъ не только для моралиста, разсуждающаго о томъ, что *должно быть* (или желательно), но и для психолога, объясняющаго только то, что *есть*, потому что отрицательная оцѣнка жизни съ точки зрѣнія ея страданій и наслажденій, однажды усвоенная, хотя и не можетъ (мы далѣе убѣдимся въ этомъ вполнѣ) измѣнить положительную оцѣнку жизни въ самочувствіи, не можетъ измѣнить самочувствія *по качеству тона*; но очень, какъ извѣстно, можетъ измѣнить его по *энергіи и направленію*. Примѣры: ипохондрики, всѣ душевно-больные, всѣ секты, ставящія задачею своихъ стремленій голое разрушеніе и т. п. Оцѣнка жизни *рефлексіею*, по итогу наслажденій и страданій жизни, должна поэтому принимать въ разсчетъ непосредственную цѣнность бытія въ самочувствіи не только *чисто теоретически*, какъ существеннаго множителя въ томъ произведеніи, которое она выводитъ, но и *практически*, какъ предметъ вполнѣ *реально* измѣняемый ея воздѣйствіемъ. Вліяя на энергію и направленіе самой реальной основы цѣнности жизни—

*) Въ самоубійствѣ мы видимъ именно протестъ ищущаго себѣ подтвержденія самочувствія противъ подавляющихъ его проявленіе, не дающихъ ему выясниться въ должной мѣрѣ и иной формѣ условій жизни,—видимъ чрезвычайно энергичное проявленіе самочувствія (какъ и Шопенгауэръ). Въ *этомъ* объясненіе состоянія души самоубійцы, а не въ томъ холодномъ разсчетѣ наслажденій и страданій, на который сводитъ дѣло Caro, говоря: au fond c'est l'amour exageré de la vie qui les amène à la condamner et à la rejeter, quand il n'y a plus de joie à attendre (*Le pessimisme* au XIX s. 2 ed. p. 6).

самочувствія, — видоизмѣняя самую *воспріимчивость* человѣка къ страданію и наслажденію, такая или иная *идеальная* оцѣнка жизни перестаетъ быть чисто теоретическою мыслію, ложной или истинной, но становится этическимъ началомъ, добрымъ или дурнымъ. Изъ простой *философемы она становится поступкомъ* *).

Такимъ образомъ разрѣшеніе роковой и въ полномъ смыслѣ слова общечеловѣческой, а не просто научной только задачи: опредѣлить цѣнность жизни и бытія вообще, требуетъ отъ насъ предварительнаго отвѣта на цѣлый рядъ подчиненныхъ вопросовъ. Къ вопросамъ чисто психологическимъ, объ условіяхъ возникновенія чувствованій страданія и наслажденія, законахъ ихъ возрастанія, убыванія и смѣны въ душевной жизни, значеніи тѣхъ и другихъ въ экономіи нашего физическаго и психическаго бытія, количественномъ и качественномъ перевѣсѣ тѣхъ или другихъ въ разныхъ условіяхъ существованія, внѣшнихъ и внутреннихъ и т. п., присоединяются здѣсь и вопросы болѣе общаго и важнаго философскаго и этическаго характера. Возникаютъ вопросы: насколько и какъ *можетъ такая или иная идеальная оцѣнка жизни вліять на измѣненіе цѣнности реал-*

---

*) Если одни пессимисты, какъ Гартманъ или Таубертъ, поставляютъ себѣ explicite въ нравственную заслугу предъ человѣчествомъ проповѣдь и укрѣпленіе пессимистическаго взгляда, какъ истинно похвальное служеніе великому дѣлу *освобожденія* человѣчества отъ несносной и нелѣпой тягости бытія, а другіе, какъ Шопенгауеръ, прямо обзываютъ враждебный имъ оптимистическій *признающій* цѣнность бытія взглядъ «безсовѣстнымъ» (ruchlos), то по меньшей мѣрѣ дозволительна попытка *провѣрить* притязанія пессимистической проповѣди на великое *нравственное* (а не только спекулятивное, не менѣе какъ мы увидимъ спорное) достоинство и значеніе! Одинъ изъ знатоковъ жизни чувства, Горвичъ говоритъ: Wenn ich mich in meinen mehrfach gegebenen Diagnose der mannichfaltigen Gebrehen und Kreinkheitserscheinungen unserer Zeit nicht gaenzlich geirrt habe, so ist in der *Erschlaffung* und *Entartung des Gefuehls*....die vornehmste, vielleicht die alleinige Ursache unserer Sehwaechen Leiden und Widerwaertigkeiten zu suchen (*Horwicz* l. c. III, VII).

наго бытія, дѣйствительно возвышая его цѣнность или обезцѣнивая его, и насколько и въ какомъ направленіи должно *желать* такого вліянія мысленной оцѣнки жизни на реальную цѣнность бытія, въ какой-нибудь мѣрѣ допустивъ возможность такого вліянія *)? И оптимисты и пессимисты въ своихъ системахъ *даютъ* готовые *отвѣты* и на эти вопросы, не всегда однакоже изъ „практическихъ“ соображеній, ясно и вполнѣ точно формулируя послѣдніе. Необходимость такого формулированія ихъ и законность его съ нашей стороны поэтому не требуютъ себѣ оправданія.

Какъ же разрѣшаются всѣ эти вопросы въ міровоззрѣніи пессимизма, господствующемъ если не вообще, то по крайней мѣрѣ среди философствующей и просто интеллигентной части современнаго общества, и ярко характеризующемъ это общество какъ со стороны главныхъ мотивовъ его внутренней жизни, такъ и со стороны его преобладающихъ соціальныхъ отношеній?

---

*) Напомнимъ Птоломея, закрывающаго школу пессимиста Гегезія для прекращенія развившейся среди ея учениковъ эпидеміи самоубійства. Der Pessimismus, говоритъ *Hartmann*, behauptet nur dass die unvermeidliche verstandesmaessige Zersetzung der Illusionen fuer die Lustbilance derjenigen Individuen ins Gewicht falle, bei denen sie bereits thatsächlich Platz gegriffen habe. Dass dies heute noch eine geringe Minderheit, ist ganz richtig; aber ebenso wahr ist es, dass dieser zersetzende Reflexionsprocess bei fortschreidender Cultur in die Massen dringen und die grosse Mehrzahl der Menschen ergreifen muss (*Zur Geschihte und Begruendung des Pessimismus* 78). Вопросъ теперь: помогать ли этому «культурному развитію» проповѣдью пессимизма? Гартманнъ и школа его убѣждаютъ что да.

III.

То рѣшеніе, которое даетъ намъ современный философскій пессимизмъ, едва ли такъ легко и охотно, какъ это дѣлается, было бы принимаемо массою разсуждающихъ о цѣнности жизни вообще, еслибы всѣ они брали это рѣшеніе въ его *точномъ выраженіи*, *полномъ объемѣ и значеніи*. Обыкновенно довольствуются, для заявленія своей солидарности съ пессимизмомъ, приблизительнымъ совпаденіемъ какой-либо части пессимистическихъ объясненій и оцѣнокъ *тѣхъ или другихъ* задачъ и направленій жизни, тѣхъ или иныхъ выдающихси несовершенствъ ея и бѣдствій, съ собственнымъ настроеніемъ или съ выводами личнаго опыта, убѣждающаго, конечно, всякаго въ томъ, что жизнь—не легкая забава, не радостный и ни къ чему тягостному не обязывающій насъ, даровой пиръ, что она исполнена болѣзней, страданій, заботъ, отравляющихъ и самыя мимолетныя радости опасеній и т. п. Считаютъ достаточнымъ признать, что жизнь переполнена страданіемъ и зломъ въ такихъ-то и такихъ-то безконечно разнообразныхъ формахъ, для признанія истинности пессимизма безъ дальнихъ околичностей. Разсуждаютъ обыкновенно такъ: въ жизни страшно много страданія, лжи, зла и безобразія,—слѣдовательно жизнь несовершенна, *дурна* и заслуживаетъ осужденія. Но не въ *такомъ* разсужденіи, очень легко возникающемъ въ мысли, успѣвшей додуматься лишь до сознанія разныхъ болѣе или менѣе рѣзко бросающихся въ глаза несовершенствъ жизни, но не до пониманія смысла и значенія, raison d'être этихъ несовершенствъ,—коренится настоящій, ясносознательный пессимизмъ; иначе онъ былъ бы настолько не серіозенъ, что о немъ не стоило бы труда говорить! Что страданіе, смерть, ложь и безобразіе непріятны, что они въ жизни суще-

ствуютъ, и что даже ихъ много, страшно много—это знаютъ рѣшительно всѣ оптимисты такъ же хорошо, какъ и пессимисты.— И не въ этомъ знаніи, пріобрѣсти которое—небольшая мудрость, разница между тѣми и другими. Разница между ними даже не *въ болѣе или менѣе рѣшительномъ* осужденіи жизни какъ въ большей или меньшей *мѣрѣ* несовершенной, причастной злу, страданію и лжи. Вопросъ, на которомъ они расходятся, безвсякой возможности какого-либо примиренія, есть не вопросъ о томъ, насколько міръ могъ бы быть *лучше* и жизнь *сноснѣе*, чѣмъ она есть для насъ, насколько желательны *иныя* условія и формы жизни, чѣмъ тѣ, которыя развиваютъ гнетущее насъ теперь зло и страданіе? Нѣтъ; это вопросъ: желателенъ ли міръ, имѣетъ ли и можетъ ли имѣть какую бы то ни было цѣнность жизнь *вообще?* Лучше ли бытіе, *въ какой бы то ни было возможной формѣ* чѣмъ небытіе или наоборотъ?—вопросъ *принципіальный. Не о степени совершенства* той или другой формы бытія поставленъ этотъ вопросъ, но о томъ: можетъ ли оно въ какой бы то ни было формѣ и должно ли быть предпочтено небытію?

Отвѣтивъ на вопросъ, занимавшій философовъ прошлаго вѣка, о томъ есть ли нашъ міръ наилучшій или наихудшій изъ возможныхъ міровъ, или же можно вообразить себѣ еще *лучшій* или худшій,—мы очевидно не даемъ еще отвѣта на этотъ принципіальный вопросъ. „Если бы и было вѣрно, замѣчаетъ Таубертъ, что существующій міръ есть наилучшій изъ возможныхъ міровъ, то изъ этого слѣдовало бы лишь то, что всѣ другіе возможные міры были бы *еще* хуже существующаго, но отнюдь не то чтобъ этотъ послѣдній самъ стоилъ чего-нибудь“ *). Можно признавать нашъ міръ лучшимъ изъ возможныхъ міровъ, и въ то же время учить, что небытіе этого лучшаго изъ міровъ тѣмъ не менѣе лучше, истиннѣе и желательнѣе бытія какого бы то

*) Der Pessimismus u. s. Gegner. 11.

ни было міра вообще, какъ это дѣлаетъ Гартманнъ *). Вопросъ настоящаго пессимизма, какъ ставитъ его Таубертъ, есть: стоитъ ли бытіе міра по цѣнности (эвдемонологической, будто бы, только по ея оговоркѣ) выше небытія его или ниже, предпочтительнѣе ли его бытіе небытію или наоборотъ **)?

И если *этотъ* вопросъ *не* разрѣшается еще однимъ признаніемъ нашего міра за наилучшій изъ возможныхъ или же за только посредственный, желательнѣе, разумнѣе и прекраснѣе котораго можно бы представить себѣ много другихъ, то съ другой стороны очевидно, что *разъ мы рѣшили общій вопросъ* отрицательно, признали небытіе вообще болѣе цѣннымъ и лучшимъ чѣмъ всякое бытіе,—то для насъ уже *все безъ изъятія* и въ нашемъ мірѣ, будь онъ наилучшій изъ возможныхъ міровъ или только посредственно сносный, необходимо должно представляться *менѣе* цѣннымъ, менѣе желательнымъ и худшимъ чѣмъ простое отрицаніе его, небытіе, ничто. На *все безъ исключенія* содержаніе нашей жизни во *всякихъ* возможныхъ условіяхъ должна простираться эта безусловно-отрицательная оцѣнка, и все оно безъ исключенія должно подпасть осужденію и отрицанію. Все, что мы ни выбрали бы изъ этого содержанія нашей жизни, должно оказаться хуже и глупѣе чѣмъ отрицаніе его, и всякое стремленіе къ чему бы то ни было, чѣмъ манитъ насъ жизнь,—хуже и глупѣе стремленія къ ничто, небытію. Таковъ и есть конечный выводъ современнаго философскаго пессимизма, болѣе широкій чѣмъ формула древняго греческаго нигилизма (все есть ложь), но *включающій* ее въ себѣ. Классически ясно высказанъ и продуманъ онъ въ этой своей необходимой внутренней связи съ отрицаніемъ всякой *положительной истины* — въ классическомъ міровоззрѣніи пессимистическаго нигилизма или нигилистическаго пессимизма—какъ угодно—то есть въ буддиз-

---

*) Phil. d. Unbew. pp. 632—644.

**) *Taubert*, Der Pessimismus u. s. Gegner. 23.

мѣ *), съ его стремленіемъ къ нирванѣ, подновленнымъ въ наше время геніальнымъ Шоппенгауэромъ и искуснымъ его эксплуататоромъ Гартманномъ.

Современный философскій пессимизмъ не такъ простъ и цѣленъ; не такъ, въ особенности, рѣшителенъ въ своемъ выраженіи какъ его древній первообразъ, но его основныя формулы остались тѣ же. Та же осталась и внутренняя связь въ переходѣ отъ одного звена въ цѣпи разсужденія къ другому; то же остается въ немъ и конечное нигилистическое стремленіе къ чисто-отрицательному идеалу „безмятежнаго“ небытія. Послѣднее въ особенности ярко, послѣдовательно и страстно проповѣдуется представителями его въ нашъ вѣкъ, затмевающими своимъ краснорѣчіемъ въ этомъ отношеніи всѣхъ пессимистовъ новаго времени (которыхъ не мало можетъ указать всякая эпоха). „Это была дѣтская близорукость, восклицаетъ Гартманнъ, когда Руссо изъ факта возрастающаго страданія вывелъ заключеніе, что міръ долженъ возвратиться, если возможно, къ младенческому состоянію человѣчества. Но какъ будто этотъ періодъ не былъ бѣдствіемъ!? Нѣтъ, ужь если назадъ, то далѣе—ко времени до сотворенія міра“ **). Меньшимъ послѣдовательный пессимистъ не можетъ удовлетвориться. Эту мечту его о конечномъ прекращеніи знающаго себя бытія энергично высказала М-me Аккерманъ въ стихахъ:

Oh! Quelle immense joie après tant de souffrance!
A travers les débris, par-dessus les charniers,
Pouvoir enfin jeter ce cri de délivrance:
«Plus d'hommes sous le ciel! Nous sommes les derniers!»

---

*) Мы говоримъ о *настоящемъ* буддизмѣ, то-есть *вполнѣ* отдѣлившемся отъ браманизма, отвергшемъ и Веды и Упанишады, не признающемъ чисто положительнаго, *откровеннаго* основанія религіи, отрицающемъ *обряды и дѣла* въ вопросѣ спасенія и т. п.,—то есть объ индусскомъ протестантствѣ, очень напоминающемъ нашихъ Рэдстокистовъ и Пашковцевъ.

**) Philos. d. Unbew. p. 748.

Коллективное самоубійство всего живущаго и сознающаго бѣдственность своей жизни—вотъ естественное логическое заключеніе этого ряда мыслей. Въ этомъ отношеніи чудовищная фантазія Гартманна о космическомъ самоубійствѣ черезъ самоуничтоженіе сосредоточивающаго въ себѣ все міровое сознаніе человѣчества, гораздо послѣдовательнѣе (ср. *Грота*: о научномъ значеніи пессимизма и оптимизма; с. 12), чѣмъ осужденіе самоубійства (впрочемъ—только—единичнаго) у Шопенгауэра.

Для этого воззрѣнія *самое сознающее себя бытіе въ какой бы то ни было формѣ и какихъ бы то ни было условіяхъ есть зло*,—единственный исходъ изъ котораго—не измѣненіе тѣхъ или другихъ условій его, а возвращеніе къ первоначальному небытію, *въ которомъ совершенно отсутствуетъ ощущеніе, сознаніе, мысль, а слѣдовательно и страданіе*. Бытіе, для пессимизма по самому существу своему, есть—зло *потому*, что оно одарено сознаніемъ,—потому, что, *пока оно одарено сознаніемъ*, оно представляетъ одну непрерывную цѣпь страданій, цѣпь мучительныхъ и безъ конца и отдыха повторяющихся усилій достигнуть цѣлей или вовсе недостижимыхъ, или не доставляющихъ никакого удовлетворенія по ихъ достиженіи, цѣпь суетныхъ надеждъ, неизбѣжныхъ горькихъ разочарованій и суетныхъ же, но не менѣе отъ того отравляющихъ радость жизни страховъ и опасеній. Всѣ радости, которыми манитъ насъ и изрѣдка лакомитъ жизнь, завлекая ими въ эту безплодную и безконечную, но дорого достающуюся участникамъ ея игру,—эфемерны, мимолетны. Всѣ онѣ или вовсе обманываютъ наши ожиданія, оказываясь не стоящими ни по степени, ни по качеству тѣхъ усилій и волненій, цѣной какихъ онѣ добыты, или, если и дѣйствительно радуютъ, то основаны на нашемъ *заблужденіи*, составляя лишь средство, которымъ чуждое намъ, стихійное начало, безсознательное, „природа“ и т. п. заставляетъ насъ служить не тѣмъ цѣлямъ, которыя *мы сами* со всею энергіей страсти преслѣдуемъ, которыми жизнь для насъ интересна, но своимъ собственнымъ, чуждымъ и даже ненавистнымъ

намъ. Такимъ образомъ и самыя реальныя радости, которыми такъ рѣдко даритъ насъ жизнь, служатъ лишь къ тому, чтобы заставлять насъ какъ бѣлку безмысленно вертѣть вѣчное колесо жизни для кого-то, но не для себя. Но этихъ обманныхъ радостей такъ мало въ сравненіи съ вполнѣ реальными и постоянными страданіями! Да и эти не многія, основанныя на иллюзіяхъ радости, теряютъ и живость свою и цѣну для насъ, какъ скоро наше сознаніе постигло, что основа ихъ—*иллюзія*, наше собственное недомысліе,—что ими жизнь только обманываетъ и заманиваетъ насъ для какихъ-то не нашихъ цѣлей. А сознаніе это вѣчно развивается. Все болѣе и болѣе разоблачаются предъ нимъ эти иллюзіи бытія; все блѣднее и не искреннее становится вмѣстѣ съ тѣмъ и основанныя на иллюзіяхъ радости наши и все тѣснѣе кругъ ихъ!—Между тѣмъ страданіе, неразлучное съ тяжелою работой жизни, не только не ослабляется съ развитіемъ сознанія, но напротивъ растетъ, такъ какъ чѣмъ сознательнѣе жизнь, тѣмъ и труднѣе она, тѣмъ сложнѣе. Чѣмъ шире развивается сознаніе,—а развитіе жизни есть и развитіе сознанія, таковъ роковой законъ [1]),—тѣмъ бѣднѣе радостями и богаче страданіемъ, *тѣмъ несчастнѣе* по этой теоріи становится жизнь. Все, чѣмъ наполняется и соблазняетъ насъ жизнь,—суета и призракъ, которымъ обманываетъ саму себя недоросшая до правды мысль; реально всегда и одинаково неотразимо—одно страданіе; таковъ неизбѣжный результатъ развитія жизни и сознанія. Страданіе и жизнь, то-есть *знающее о себѣ* бытіе, въ сущности—тождественны, такъ какъ самое существо жизни—въ *дѣятельности*, въ стремленіи, въ работѣ, плата за которую мнимыми

---

[1]) Чѣмъ сознательнѣе жизнь, тѣмъ она несчастнѣе, учитъ Гартманъ. Дикій счастливѣе образованнаго человѣка, а животное счастливѣе дикаго именно потому, что чѣмъ больше степень тупости существа, тѣмъ *меньше* чувствуемый имъ *перевѣсъ* страданій жизни надъ ея наслажденіями, и чѣмъ существо чувствительнѣе, тѣмъ болѣзненнѣе и массивнѣе чувствуется имъ этотъ перевѣсъ. (Phil. d. Unbew. p. 747).

наслажденіями—нѣчто случайное, побочное; а страхъ и тягость работы—неизбѣжные спутники [1]). „Страхъ есть главное ощущеніе всякой живой твари... страданіе есть нѣчто всеобщее и необходимое во всякой жизни... всякое страданіе происходитъ лишь отъ бытія... тревога безустаннаго желанія и хотѣнія, которымъ мятется всякая тварь, есть уже сама по себѣ мученіе“ [2]). А эта мука совпадаетъ съ жизнью, съ знающимъ о себѣ только въ безустанномъ желаніи и хотѣніи бытіемъ. Такимъ образомъ „пессимизмъ, какъ говоритъ Каро, отождествляетъ бытіе во всей его цѣнности и *въ самомъ существѣ* его [3]) со страданіемъ; и этотъ законъ страданія онъ съ человѣка переноситъ на природу, съ природы — на ея начало, по скольку *есть* такое начало и по скольку оно знаетъ о себѣ. Субъективное страданіе могло бы быть лишь незначущею случайностью въ цѣломъ міра; но нужно постигнуть зло, страданіе, какъ объективное, безличное, безусловное, царящее на всѣхъ ступеняхъ и во всѣхъ областяхъ бытія“ [4]). Зло, страданіе—это самое знающее себя бытіе; то же что представляется намъ положительно цѣннымъ въ жизни—есть лишь плодъ иллюзіи, неполнаго разумѣнія,—суета, призракъ. Разоблаченіе призрака, полное разумѣніе состоитъ именно въ постиженіи, что *ничего* положительно цѣннаго собственно нѣтъ и—*всего болѣе представляетъ отрицательную цѣнность, всего хуже въ бытіи—условіе того, что одно въ немъ реально,*

---

[1]) Неудовлетвореніе воли, стремленія лежащаго въ основѣ всякаго чувства и всей жизни вообще, сознается *всегда и необходимо*; самое сознаніе даже возникаетъ по Гартману изъ встрѣчи волею съ тѣмъ, чего она *не* хотѣла (*ступефакція* воли). Между тѣмъ удовлетвореніе воли, наслажденіе доходитъ до сознанія лишь подъ нѣкоторыми условіями, не всегда и въ сравнительно слабѣйшей мѣрѣ. Уже поэтому сознающее себя стремленіе должно быть, согласно этому ученію, богаче страданіями чѣмъ наслажденіями.

[2]) Выписки изъ Шелинга у Гартмана. Phil. d. Unbew. p. 947.

[3]) Т. е. знающемъ о себѣ стремленіи, волѣ быть.

[4]) Caro. *Le pessimisme au XIX siecle.* 2 éd. p. 33.

страданія, то-есть сознаніе [1]). Вполнѣ сознать свое бытіе и вполнѣ постигнуть его тщету и страданіе, безусловно осудить его,—одно и то же.

Это осужденіе знающаго себя и постольку способнаго наслаждаться и страдать бытія вытекаетъ, какъ мы видимъ, изъ признанія, что въ бытіи все—иллюзія, кромѣ страданія,—*одно оно реально*. Но какое это страданіе? Уже изъ немногаго сказаннаго до сихъ поръ ясно, что то страданіе, которое полагается въ основу вывода пессимистическаго отрицанія цѣнности бытія, есть прежде всего *не личное*, не чисто индивидуальное и случайное страданіе того или другаго мыслителя. Это—страданіе необходимое *вообще, во всемъ* что есть и сознаетъ свое бытіе. Оно должно вытекать изъ самой общей *сущности* бытія и постигается *разумомъ*, открывшимъ въ неизбѣжномъ процессѣ своего развитія загадку своего бытія, а не личнымъ и только субъективнымъ чувствомъ того или другаго существа, извѣдавшаго въ своей жизни *болье или менье* случайныхъ страданій. Пессимизмъ личный, вытекающій изъ личнаго опыта страданій жизни, личнаго темперамента и личныхъ судебъ, могущихъ обусловливать безконечно-разнообразныя особенности въ отношеніяхъ къ явленіямъ окружающей жизни и ея оцѣнкѣ,—принадлежитъ къ области *настроеній* и характеровъ, но не къ

---

[1]) Этотъ послѣдній выводъ во всей его силѣ и значеніи принимается изъ новыхъ пессимистовъ, сколько намъ извѣстно, лишь наиболѣе смѣлымъ и послѣдовательнымъ—Ю. Банзенъ. Другіе, какъ Гартманъ и Тауберъ, стараются сохранить за сознаніемъ нѣкоторую положительную цѣнность, высоко ставя, напримѣръ, интеллектуальныя и эстетическія наслажденія. Это не мѣшаетъ имъ однакоже учить въ то же время, что сознаніе цѣнно *не само по себѣ*, что оно *не само себѣ цѣль*, а направлено на другое; это же другое, на которое оно направлено и что придаетъ ему цѣнность, есть *разрушеніе иллюзій* бытія, разоблаченіе его глупости и неизбѣжности страданія и постиженіе прелести «безмятежнаго небытія». Банзенъ не вѣритъ и въ этотъ послѣдній «добрый» плодъ сознанія, а потому и придаетъ ему одну отрицательную цѣнность.

области философіи [1]). Его можно лечить какъ и всякое душевное неустройство, но нельзя вступать въ *логическое* обсужденіе состоятельности его основаній. Человѣка извѣрившагося въ жизнь, изстрадавшагося и уставшаго жить, можно еще стараться утѣшить, занять, заинтересовать чѣмъ-нибудь, но безполезно было бы *доказывать* ему, что его усталость, скука, ненависть, томленіе разочарованія—*не реальны*, не чувствуются имъ въ дѣйствительности мучительно. Разумъ дѣйствуетъ прямо только на разумъ же, а не на настроеніе. Къ тому же личное отношеніе къ жизни кого бы то ни было,—будь онъ даже геніаленъ какъ Шопенгауэръ, или Паскаль,—общаго философскаго значенія въ вопросѣ о цѣнности бытія не имѣетъ, хотя какъ всякій фактъ изъ исторіи человѣческаго развитія оно и представляетъ непремѣнно большій или меньшій интересъ въ качествѣ *матеріала* для изслѣдователя. Если такой пессимизмъ личнаго настроенія соединяется въ одномъ лицѣ съ геніальнымъ умомъ, подтверждающимъ внушенія мрачнаго темперамента обширною массой тонкихъ наблюденій надъ явленіями жизни и—тѣмъ болѣе—философски сводящимъ ихъ къ одному яркому по безотрадности своей итогу, то онъ можетъ представлять для изслѣдованія нашего вопроса даже чрезвычайно *драгоцѣнный* матеріалъ. Таковъ, напримѣръ, пессимизмъ Шопенгауэра, остаю-

---

[1]) Полемизируя противъ возможности *научнаго*, *объективнаго* рѣшенія вопроса пессимизма и оптимизма, г. Гротъ основывается на томъ, что-де «пессимизмъ и оптимизмъ, какъ доктрины, представляютъ лишь наивысшую возможную систематизацію и мотивировку идей, развившихся на почвѣ извѣстныхъ *эмоціональныхъ* состояній, ослабѣвшихъ или даже совершенно ступевавшихся подъ вліяніемъ выработки идей, ими порожденныхъ» (о научн. знач. пессим. и оптим. с. 6). Это разсужденіе нѣсколько странно. Какъ будто, во 1-хъ, субъективныя эмоціональныя состоянія *не суть* сами возможный предметъ вполнѣ *точной* науки, и, во 2-хъ, какъ-будто не на ихъ почвѣ зарождались *всякія вообще* идеи, а не однѣ идеи пессимизма и оптимизма? Философскій пессимизмъ не забываетъ своего субъективнаго основанія, но и *не остается* на этой почвѣ.

щійся именно въ предѣлахъ „настроенія“ (Gemmuethspessimismus). Таковъ же, по своему значенію, и пессимизмъ всѣхъ *меньше* геніальныхъ поэтовъ романтизма, самодовольно пребывающихъ въ созерцаніи страданій и скорбей своей собственной, столь по ихъ мнѣнію возвышенной и не могущей примириться ни съ чѣмъ только наполовину совершеннымъ личности, уединенной среди низменнаго и столь чуждаго идеальнымъ стремленіямъ ихъ великой души, обыденнаго міра! Геній обреченъ на скорбь, ибо онъ одинокъ въ мірѣ, это сказано еще самимъ Аристотелемъ; а кто-же устоитъ противъ соблазна если не быть геніемъ и не нести на себѣ всю подавляющую тяжесть его призванія, то казаться имъ!! Такого рода личный и самоуслаждающійся пессимизмъ характеровъ, которые не только сами исключительно заняты собой, но и назойливо требуютъ отъ всего міра, чтобы онъ забылъ свои мелкія и пошлыя заботы для того, чтобы заняться ихъ великою скорбью и разлиться надъ нею досужими слезами, можетъ, смотря по красотѣ, правдѣ и силѣ своего выраженія, нравиться нѣкоторымъ вкусамъ [1]). Онъ можетъ даже казаться болѣе высокимъ (какъ онъ несомнѣнно и болѣе легокъ и удобенъ) чѣмъ упорная и горькая борьба съ не сразу поддающеюся жизнью, ради дѣйствительнаго осуществленія въ ней какихъ-либо *положительныхъ идеаловъ* или еще хуже—во имя сухаго, прозаическаго *долга*. Другимъ вкусамъ притязанія этой всѣмъ навязывающейся личной, самодовольной скорби можетъ, конечно, внушать и нелестное для нея воспоминаніе объ извѣст-

---

[1]) Преимущественно юнымъ, дорослимъ лишь до сентиментальныхъ воздыханій и до пониманія мелодрамы съ ея раздирательными и яркими эффектами, но не до зрѣлаго, дѣятельнаго и нелихорадочнаго, здороваго участія въ дѣйствительной драмѣ жизни, не до вкушенія ея болѣе глубокой и достойной хотя и менѣе яркой чѣмъ эффекты мелодрамы красоты. Лермонтовъ, Гейне, Гюго понятны всякому четырнадцатилѣтнему мальчику; Пушкинъ, А. Толстой, Гете, Майковъ никому не были доступны и не доставляли наслажденія до періода полной зрѣлости.

номъ отвѣтѣ министра д'Аржантейля одному пасквилянту его времени, возстававшему противъ черезчуръ стѣснительной цензуры, ссылаясь на то что „наконецъ il faut donc que j'existe“; отвѣтъ этотъ былъ, какъ извѣстно, „je n'en vois pas la necessité“ Но и болѣе во всѣхъ отношеніяхъ почтенная и естественно привлекающая сочувствіе „міровая скорбь“ другихъ поэтовъ, скорбь ихъ не *за себя* лично, а за цѣлое человѣчество, столь далекое отъ своего идеальнаго назначенія и такъ глубоко страдающее отъ своего несовершенства и внутренняго разлада, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ осужденіемъ жизни, которое произносится *философскимъ* пессимизмомъ. Тамъ презрѣніе къ тѣмъ или другимъ формамъ и проявленіямъ жизни, отрицаніе ихъ мотивируется страстнымъ поклоненіемъ *другимъ положительнымъ идеаламъ и началамъ*, которыхъ эти проявленія вмѣстить въ себѣ не могутъ и которымъ они даже роковымъ образомъ противорѣчатъ; въ философскомъ пессимизмѣ *никакого* положительнаго идеала, ничего положительно цѣннаго не допускается. Бытіе міра отрицается и презирается здѣсь не во имя признанія чего-либо лучшаго, болѣе цѣннаго чѣмъ онъ, но во имя убѣжденія, *что нѣтъ ничего болѣе цѣннаго и истиннаго чѣмъ небытіе, отрицаніе, ибо внѣ небытія, въ существующемъ реально, не призрачно одно страданіе*; все прочее суета. Въ пессимизмѣ „мировой скорби“ поэта или мыслителя сказывается страданіе высокой души *за* несчастное своимъ неразумѣемъ и несовершенствомъ, хотя и не сознающее ихъ человѣчество; въ пессимизмѣ философскомъ утверждается, что *самое бытіе* этого человѣчества, какъ и всего міра, есть лишь безуміе, несовершенство и страданіе, которые одни въ бытіи реальны. Для души полной, возвышенной, „міровой скорби“ остается, какъ бы ни было глубоко ея отчаяніе предъ безуміемъ и несовершенствомъ жизни, нѣчто безконечно цѣнное, именно—*самое сознаніе* постигающее идеально разумъ и совершенство и *стремящееся* вносить ихъ въ жизнь; и великій поэтъ міровой скорби нашего вѣка сказалъ:

...For who would loose,
Though full of pain, this intellectual being,
These thoughts, that wander through eternity [1])!

Для философскаго же пессимизма, отрицающаго всецѣло бытіе на томъ основаніи, что непризрачно въ немъ одно лишь страданіе, наибольшую отрицательную цѣнность, наихудшее во всемъ бытіи представляетъ именно условіе едино реальнаго страданія *сознаніе*. Желательно ему не безусловное небытіе [2]), а лишь возвращеніе сознающаго себя и страдающаго бытія къ своему *ничего несознающему и несознаваемому* первоначалу, желательно „безсознательное“. Одно сознаніе утѣшаетъ скорбь страдающаго за человѣчество поэта или мыслителя, вознаграждаетъ его за всѣ муки бытія; одно безусловное *уничтоженіе сознанія* въ мірѣ удовлетворитъ философскаго пессимиста, ибо для него *все сознаніе во всемъ своемъ объемъ и содержаніи* есть ложь, призракъ, который чѣмъ скорѣе розоблачить—тѣмъ лучше. Нигдѣ это существенное положеніе пессимизма, что сознаніе (а потому и сознающее себя бытіе, жизнь) есть лишь ложь и призракъ, не высказано такъ ясно и ярко какъ въ древнѣйшей формѣ пессимизма, въ словахъ Санкъя-Муни (Гуотама): „Зло—въ самомъ существованіи; существованіе есть слѣдствіе желанія, а желаніе возникаетъ изъ сознанія обманчивыхъ формъ бытія. Существованіе поэтому возникаетъ изъ заблужденія. Заблужденіе—вотъ въ дѣйствительности первая причина всего, что представляется существующимъ. Разрушить это заблужденіе—значило бы разрушить его слѣдствіе, бѣдственное существованіе“ [3]). А таковъ и есть „идеалъ“ не только древняго, буддійскаго пес-

---

[1]) Байронъ въ *Донъ-Жуанѣ*.

[2]) Которое метафизически и невозможно. Перестать быть можетъ *міръ*, произведеніе или проявленіе метафизическаго начала (какъ бы ни опредѣлили мы его), но не самое это начало, бытіе котораго, по существу его, не зависитъ отъ условій, безусловно необходимо.

[3]) Предметъ мысли и ея задача здѣсь поэтому *чисто отрицательны*:

симизма, но и современныхъ учителей его, Шоппенгауэра и Гартмана [1]). И эти новые учители пессимизма въ сущности вполнѣ раздѣляютъ взглядъ буддизма на сознаніе какъ на ложь и обманъ во всемъ его объемѣ и содержаніи. И для нихъ послѣднее, едино—реальное метафизическое начало бытія не только есть „безсознательная воля“, „всеединое безсознательное“ и т. п., но и ближе—самое сознаніе есть только *случайный*, *несущественный и позднѣйшій* придатокъ къ бытію, Schmarotzer (тунеядецъ), какъ зоветъ его Шоппенгауэръ, продуктъ „случайнаго столкновенія безсознательной воли съ тѣмъ, чего она *не* хотѣла“, какъ учитъ Гартманъ; „не въ волѣ самой по себѣ грѣхъ, но—въ волѣ съ сознаніемъ“, какъ учитъ Шоппенгауэръ и т. п. [2]). И у нашихъ, до послѣднято совершенства по соб-

---

не постиженіе истины чего-либо сущаго и положительно цѣннаго, но разрушеніе призраковъ, заблужденія, лжи. Мысль здѣсь признается способсобною лишь *къ разоблаченію лжи*, *но не къ постиженію истины*. Истина ни сама себя не сознаетъ, ни не можетъ быть никакъ сознана. Реальное, положительное—*внѣ* сферы сознанія, не только для буддистовъ, но и для Шоппенгауэра и для Гартмана. Какую цѣну могутъ имѣть при этомъ интеллектуальныя и эстетическія наслажденія—совершенно непонятно!

[1]) Не упоминаемъ *Ю. Банзена*, который только потому не стремится къ этому идеалу, утѣшительно успокоивающему Гартмана въ перспективѣ развитія сознанія и міроваго процесса, — что *и этотъ идеалъ*, съ полною послѣдовательностью, онъ признаетъ за неосуществимую *иллюзію*. Гартманъ, Таубертъ и другіе утѣшаются въ бѣдственности и мукѣ настоящей жизни отдаленною надеждой на наступленіе состоянія «нулевой точки ощущенія», «безмятежности небытія» путемъ необходимаго развитія сознанія иллюзій бытія, неизбѣжно разрушающаго и самую «волю быть», на которой бѣдственное бытіе держится. Банзенъ не вѣритъ и въ уничтоженіе «воли быть» и въ «безмятежность небытія»; онъ вѣритъ болѣе послѣдовательно въ этомъ направленіи, чѣмъ его современники, лишь въ одно безусловное и безвыходное *неразуміе* (алогичность) *бытія* (см. его брошюру *Zur Philosophie der Geschichte*).

[2]) Сознаніе и *возникаетъ* такимъ образомъ изъ ошибки и вмѣстѣ съ страданіемъ; *и цѣнность оно имѣетъ не само по себѣ*, а отъ своего со-

ственной простотѣ упростившихъ „сухія и отвлеченныя теоріи философіи“ пессимистовъ-нигилистовъ недавняго прошлаго самое употребленіе слова „сознаніе“ (въ существованіи соотвѣтствующаго реальнаго *факта* точный „мыслитель“ долженъ былъ, какъ извѣстно, сомнѣваться! [1]) недавно вызывало вездѣ, да и теперь еще можетъ быть вызываетъ въ Царевококшайскѣ (и туда, вѣроятно, проникъ „свѣтъ точной науки!“) пожиманіе плечами и вопросъ: сознаніе, qu'est-ce que ça? Сознаніе, а чрезъ него только и въ немъ даны намъ, вѣдомы и наша жизнь и міръ, и все, что цѣнно въ нихъ — случай; сознаніе — призракъ и ложь; сознаніе—вполнѣ нереальный вздоръ, реальность которому принадлежитъ лишь постольку, поскольку

держанія, которое все чисто отрицательное—состоитъ изъ все яснѣе и полнѣе постигаемыхъ страданій и иллюзій жизни; и въ своемъ *развитіи*, наконецъ, оно только крѣпнетъ и богатѣетъ этимъ постиженіемъ мучительности и иллюзорности бытія, доводя, наконецъ, муку и горечь жизни до той невыносимой степени, когда умолкаетъ въ человѣкѣ нелѣпая *воля быть* и желательнымъ остается одно «безмятежное небытіе», «нулевая точка ощущенія», «безсознательность». Сознаніе такимъ образомъ на высшей ступени своей есть собственно сознаніе *пустоты*, *нелогичности* бытія. Отсюда *Банзенъ* и выводитъ послѣдовательно, что «для ума философскаго, логическаго научное познаніе міра или его изображеніе въ произведеніяхъ искусства не только не могутъ быть источниками какого-либо наслажденія, но становятся еще лишнею пыткой».

[1]) Впрочемъ, не только у нѣкоторыхъ нашихъ доморощенныхъ позитивистовъ встрѣчали мы это умное сомнѣніе, но даже и во 2-мъ изданіи Cours de filosoph. posit. A. Comte, гдѣ это сомнѣніе мотивируется тѣмъ что никакая дѣятельная сила (или процессъ) *не можетъ* въ одно и то-же и совершаться, проявляться и—созерцать это свое совершеніе, проявленіе. Но ужъ совершенно обыкновенная вещь—услышать у насъ; даже отъ «психологовъ» и «философовъ» высказываемое вполнѣ наивно, sans penser à mal,—признаніе сознанія за *явленіе*, столь-же мало имѣющее, *существенности*, какъ и прочія явленія. При этомъ забываютъ только то, что всякое «явленіе» предполагаетъ *внѣшнее* ему сознаніе, которому оно и является»; а кому внѣ себя «является» сознаніе?!

имъ обусловливается едино реальное страданіе (и отрицаніе, и ненависть и презрѣніе, освобождающіе отъ глупости бытія): эти и подобныя имъ понятія о случайномъ, подчиненномъ и служебномъ (въ смыслѣ разрушенія иллюзій, самоотрицанія) значеніи сознанія составляютъ не случайную, свойственную только Шопенгауэру, Гартманну, Банзену [1]), буддистамъ и нашимъ нигилистамъ, но существенно необходимую составную часть философскаго ученія пессимизма. Высказывая это понятіе (въ началѣ или какъ выводъ—все равно), забываютъ *только* одно обстоятельство, противъ котораго однакоже спорить совсѣмъ ужъ невозможно, также какъ и невозможно игнорировать его. Это обстоятельство представляется на гладкомъ тріумфальномъ пути философскаго пессимизма въ видѣ того препятствія, что и для философа и для всякаго сознающаго (а тѣмъ болѣе мыслящаго) существа самое *достовѣрное, реальное и поэтому только положительно цѣнное* во всемъ содержаніи его сознанія и мысли есть „я сознаю“ „я мыслю“. Послѣ этого говорить сознательно (не въ безуміи, опьяненіи или разсчетѣ на особую глупость слушателей), что сознаніе не реально, вздоръ и т. п.,—можетъ свидѣтельствовать лишь о... собственной большой храбрости или о безграниченномъ терпѣніи слушателя!

Такимъ образомъ сознающее себя бытіе осуждается потому, что *все въ его сознаніи есть ложь и призракъ*, реально же одно страданіе. Желательнымъ при этомъ съ неотразимой понудитель-

---

[1]) О. Таубертъ, какъ дамѣ, слѣдовало бы сказать мягче. Да она и пессимистка только по недоразумѣнію; она, какъ замѣчаетъ *J. Sully*: un optimiste qui fait un faux-pas en trébuchant dans un système de philosophie pessimiste et qui s'efforce vianement de se dégager de la fondrièrre dange reuse (*Le pessimisme*, 1882, p. 104).

[2]) И въ Упанишадахъ далеко нѣтъ этого томленія по «безсознательному» въ поискахъ «истиннаго бытія» (Атаманъ), отличающаго буддизмъ и новый пессимизмъ (см. *Max. Müller*, Orig. et dével. de la rel. etc. 1879 p. p. 288, 292, 323, 324 и др.).

ностью представляется состояніе, вполнѣ чуждое лжи и страданія, а таково лишь состояніе *„нулевой точки ощущенія“*, вполнѣ свободное отъ ощущенія и сознанія. Но—можетъ возникнуть вопросъ—если бытіе въ той мѣрѣ, въ какой оно себя сознаетъ, и должно быть признано дѣйствительно за обманъ и страданіе,—если и дѣйствительно въ немъ одно страданіе реально или по крайней мѣрѣ подавляющая масса страданій неизмѣримо перевѣшиваетъ въ немъ ничтожное число случайныхъ, мимолетныхъ и призрачныхъ наслажденій, изрѣдка разбросанныхъ по мрачному общему фону жизни, то достаточно ли *одного этого перевѣса страданія*, качественнаго и количественнаго, для безусловнаго осужденія бытія, для признанія что небытіе не только *желательнѣе* и легче бытія потому, что оно не страдаетъ, но и *лучше, истиннѣе, выше, во всѣхъ отношеніяхъ цѣннѣе бытія?*

Кромѣ цѣнности, которую міръ имѣетъ, какъ поприще наслажденія и страданія, не имѣетъ ли онъ цѣнности *инаго* рода: метафизической, этической,—какъ поприще проявленія нравственныхъ силъ религіозныхъ и т. п.? И не можетъ ли оказаться поэтому въ концѣ концовъ, что бытіе *все-таки* выше, цѣннѣе небытія, хотя перевѣсъ страданія и кажется роковымъ закономъ бытія?

IV.

И на этотъ вопросъ философскій пессимизмъ отвѣчаетъ,—и отвѣчаетъ *отрицательно*: небытіе не только желательнѣе, но и *истиннѣе и выше и умнѣе* бытія. Разница между индійскими пессимистами буддизма и современными философствующими пессимистами Европы въ этомъ отношеніи состоитъ лишь въ томъ что послѣдніе болѣе робки („культурны“?) и не рѣшаются прямо и искренно высказать этотъ отвѣтъ, въ которомъ признается *за ложь и нереальное уже не одно мнимое наслажденіе жизни только, но и истина, и добро и красота ея.* Они стараются

просто *обойти* этотъ вопросъ въ его прямой постановкѣ, потому что неизбѣжная послѣдовательность дозволяетъ имъ дать на него только одинъ отрицательный отвѣтъ и слѣдовательно вынуждаетъ ихъ стать открыто въ прямую вражду со всей нашей наукой, моралью, религіей и эстетикой. Чтобъ избѣжать такого *невыгоднаго* положенія, они, стараясь обойти вопросъ окольными путями, въ то же время тщатся убѣдить въ томъ, что ученіе философскаго пессемизма *вовсе не есть* тотъ безусловный нигилизмъ, какимъ оно представляется, но очень хорошо *совмѣстимо* и съ наукой и съ нравственностью и съ религіей, — даже, мало того, вполнѣ *необходимо* для нихъ. Много остроумія потратили на эти попытки учителя современнаго пессимизма. Но тѣмъ яснѣе свидѣтельствуетъ чрезвычайно легко разоблачаемая тщетность этихъ попытокъ о роковой, неизбѣжной внутренной необходимости для всего ученія быть ничѣмъ инымъ какъ *безусловнымъ нигилизмомъ*, пока оно послѣдовательно. Не много нужно разъясненій, чтобъ убѣдиться въ этомъ.

Стараются говоримъ мы, *обойти* вопросъ о цѣнности міра не только съ точки зрѣнія страданія и наслажденія (эвдемонлогической) но и съ точки зрѣнія истины его, добра и красоты. Стараются увѣрить, что вопросъ пессимизма вовсе и не *касается* этихъ послѣднихъ точекъ зрѣнія, ограничиваясь лишь оцѣнкою міра *эвдемонолоогической*, то-есть по соображенію тѣхъ лишь *наслажденій и страданій*, поприщемъ которыхъ міръ является. „Прежде всего нужно установить говоритъ Таубертъ“, что вопросъ—чисто эвдемонологическій, то-есть что мѣра для измѣренія цѣнности бытія должна быть взята изъ эвдемоніи—благополучія... Тотъ, кто считаетъ эвдемонологическую точку зрѣнія вообще безразличною, долженъ признать и задачу пессимизма несущественною; тотъ, кто признаетъ совершенно безразличнымъ, счастливъ ли міръ или несчастливъ, лишь бы онъ оставался эстетичнымъ, нравственнымъ и Богъ вѣсть какимъ еще, *)

*) Le tonn fait la musique!

не можетъ конечно ради этого оспаривать у другихъ людей право интересоваться эвдемонологическимъ вопросомъ и рѣшать его по своему крайнему разумѣнію" *). Однимъ вопросомъ—увѣряютъ насъ—вовсе не затрогиваются другіе и рѣшеніе для всякаго изъ нихъ можетъ получаться совершенно самостоятельное, особое **).

Такъ ли это? Дѣйствительно ли страданіе и наслажденіе съ одной стороны, а истина, красота, добро и т. п. съ другой—могутъ представляться какими-то *отдѣльными* частями, самостоятельными слагаемыми, изъ прибавленія которыхъ однѣхъ къ другимъ слагается понемногу цѣлое—цѣнность бытія міра, или частями изъ которыхъ однѣ безразличны для цѣнности міра—другія нѣтъ, и всякая изъ которыхъ можетъ быть разсматриваема совершенно *особо*?

Нѣтъ—это не отдѣльныя *составныя части* цѣнности цѣлаго міра, не самостоятельныя слагаемыя или виды ея. И весь міръ взятый какъ цѣлое, и всякое отдѣльное существо его и явленіе какъ бы оно ни было крупно или ничтожно, представляютъ не только опредѣленную *сумму наслажденія и страданія, но вмѣстѣ и опредѣленную цѣнность съ точекъ зрѣнія истины, красоты и добра. Внѣ* этихъ точекъ зрѣнія не стоитъ ни одно явленіе жизни, ни одна форма бытія. Съ другой стороны, и красота, и добро, и истина въ высочайшемъ ли, въ самомъ ли незамѣтномъ воплощеніи своемъ, явленіи бытія, *непремѣнно* представляютъ и какую-нибудь *эвдемонологическую* цѣнность, неизбѣжно сопровождаются и въ самомъ *воплощающемъ* ихъ *и*

---

*) *Taubert* Der Pessimismus u. s. Gegner.

**) Итакъ *интересоваться* вопросомъ эвдемонологическимъ, который вовсе безсбиденъ и *не касается* точекъ зрѣнія «эстетической, нравственной и Богъ вѣсть еще какой»—оказывается *тѣмъ же самымъ* что—признать *лишь одну* эвдемонологическую точку за *существенную* въ вопросѣ о цѣнности міра, *другія же точки* зрѣнія (тѣ которыхъ эта *не затрогиваетъ*)—*безразличныя!* Изумительная логика!!

знающемъ о себѣ существѣ въ какой-либо мѣрѣ чувствами удовольствія и страданія, также какъ въ какой-либо мѣрѣ вызываютъ эти чувства и въ созерцающемъ ихъ со стороны зрителѣ. *Нѣтъ явленій или состояній сознательной жизни безразличныхъ логически, этически, эстетически и т. п., какъ нѣтъ и состояній этой жизни и чувства безразличныхъ эвдемонологически.*

Мы не разъ будемъ имѣть въ дальнѣйшемъ случай убѣдиться въ психологической несостоятельности старой теоріи такъ называемыхъ *нейтральныхъ* то-есть не опредѣленныхъ ни какъ удовольствіе, ни какъ страданіе чувствъ. Всякое состояніе чувства *есть или* наслажденіе, *или* страданіе. Но въ то же время нѣтъ и такой мысли или такого состоянія воли, *нѣтъ и не можетъ быть такого состоянія сознанія* вообще, которое не сопровождалось бы въ какой-либо мѣрѣ чувствомъ, *а слѣдовательно не было бы вмѣстѣ и страданіемъ или наслажденіемъ.* Бытіе, сознающее себя, имѣетъ поэтому свою эвдемонологическую цѣнность не въ какихъ-то *спеціальныхъ* только, могущихъ разсматриваться *особо* эвдемонологическихъ состояніяхъ страданія и наслажденія, *рядомъ* съ состояніями мысли и воли представляющими опять особо свою лигическую и нравственную цѣнность, но эти послѣднія (мысли и хотѣнія) сами по себѣ необходимо связаны съ удовольствіемъ или страданіемъ, *сами имѣютъ эвдемологическую цѣнность, внося ее во всякое явленіе во всякое состояніе жизни и чувства сознающаго себя бытія.* Они поэтому непремѣнно измѣняютъ и общій итогъ чисто-эвдемонологической оцѣнки бытія, общую сумму его наслажденія и страданія. *Отрѣшаясь* въ оцѣнкѣ какого-либо чувства отъ его нравственныхъ, эстетическихъ, логическихъ, религіозныхъ и т. п. моментовъ, мы не только не получаемъ *настоящей* эвдемонологической цѣнности этого чувства, но, напротивъ, заранѣе лишаемъ себя возможности правильной оцѣнки его, ибо вмѣсто дѣйствительнаго состоянія чувства производимъ оцѣнку какой-то произвольной фикціи нашего ума. Въ та-

кія фикціи Гартманнъ особенно добросовѣстно и старательно обращаетъ предварительно всѣ чувства человѣческой жизни для того чтобы „точнѣе“ оцѣнить *) ихъ эвдемонологически. И нѣтъ ничего удивительнаго при этомъ, если *выдѣливъ* напримѣръ изъ чувства половой или родительской любви всѣ этическіе, эстетическіе и т. п. моменты его, онъ съ достаточною повидимому благовидностью находитъ что это чувство въ концѣ концовъ — только недоразумѣніе. заблужденіе и чистое страданіе, лишенное всякой цѣнности **). Такъ разсуждать столь же не трудно какъ не трудно доказать что въ комнатѣ темно, потушивъ въ ней предварительно всѣ огни! Но состоятеленъ ли такой пріемъ разсужденія не только философски и психологически, а даже просто формально логически? Очевидно нѣтъ. Если *нѣтъ* мысли и состоянія воли безъ какого-либо связаннаго съ ними чувства (а это—одна изъ аксіомъ новой психологіи) и если съ дру-

---

*) Горвичъ характеризуетъ эту Гартманову оцѣнку какъ trist philtströs. Въ VI-й гл. мы убѣдимся въ вѣрности этой критики Гартмана. Ср. также отзывъ Sully.

**) Что въ самомъ дѣлѣ остается въ половой любви по исключеніи изъ нея всѣхъ нравственныхъ, эстетическихъ и интеллектуальныхъ элементовъ этого чувства, то есть тѣхъ элеменсовъ. которые дѣлаютъ его у человѣка высокаго развитія въ высшей степени *личнымъ* чувствомъ? Остается только *инстинктъ родоваго самасохраненія*, служащій уже *не* личнымъ цѣлямъ, не личнымъ идеаламъ и стремленіямъ. А между тѣмъ всѣ тягости, заботы и страданія, которыми долженъ человѣкъ заплатить за удовлетвореніе требованій этого родоваго инстинкта падаютъ всею своею тяжестью вѣдь не на родъ, а именно на личность. Страданія чувствуетъ *личность* и ими она должна платить за цѣль, которая достигается *родомъ!* Тѣ же наслажденія, которыя испытываетъ сама личность въ удовлетвореніи *половаго инстикта*, какъ такого (безъ этическихъ, интеллектуальныхъ и др. личныхъ мотивовъ) конечно не могутъ идти въ сравненіи съ массою и продолжительностью заботъ и страданій, цѣною которыхъ они покупаются. Итогъ получается, какъ видно, отрицательный и именно—благодаря отвлеченію отъ всего, что изъ любви дѣлаетъ нѣчто большее и болѣе духовное чѣмъ *инстинктъ* рода.

гой стороны *всякое* чувство *есть* или удовольствіе или страданіе (нейтральныхъ чувствъ, какъ мы увидимъ, не существуетъ), то *все, имѣющее логическую, нравственную или эстетическую цѣнность, имѣетъ непремѣнно и цѣнность эвдемологическую и наоборотъ*. Раздѣлять вопросы о цѣнностяхъ бытія съ этихъ различныхъ точекъ зрѣнія, какъ совершенно *независимые* вопросы, и рѣшать ихъ совершенно самостоятельно невозможно, незаконно ни съ точки зрѣнія психологіи (а тѣмъ болѣе метафизики) ни съ точки зрѣнія формальной логики. *Не* раздѣляетъ ихъ въ концѣ концовъ, хотя и требуетъ такого раздѣленія, и самый современный философскій пессимизмъ. Рѣшаетъ онъ въ сущности всѣ эти вопросы вмѣстѣ и всѣ заразъ одинакаво, то-есть безусловно отрицательно. Сознающее себя бытіе *ни съ какой точки зрѣнія* не имѣетъ для него никакой цѣнности. Иное рѣшеніе по самому существу исходнаго плложенія этого міровоззрѣнія и невозможно.

Основное положеніе всякой философіи, кончающейся пессимизмомъ, во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, роковымъ образомъ обусловливавшее и ея мрачный выводъ, состоитъ въ признаніи *сознанія* за нѣчто *случайное* въ бытіи, и вполнѣ — *пассивное* (нѣчто въ родѣ зеркала, болѣе или менѣе фальшиво отражающагопредлежащую ему долю независимаго отъ него *реальнаго* бытія) за позднѣйшій *придатокъ* къ нему и единственный источникъ всякаго забужденія, зла и страданія, а *безсознательнаго*, не сознающаго себя и несознаваемаго — за единственное реальное въ бытіи и высочайшее первоначало его. Въ *этомъ* сходятся всѣ систематики пессимисты, вступая здѣсь въ союзъ и съ *матеръялистами*. Но если самое сознаніе — случай, нереальное, заблужденіе, зло и страданіе, а только въ сознаніи вѣдома намъ жизнь, бытіе наше и только для сознанія и чрезъ него и существуютъ всякая истина, добро и красота жизни, то естественно что и все вѣдомое намъ бытіе и вся истина, красота его и добро—только призракъ, заблужденіе, зло и страданіе, что все это хуже и глупѣе чѣмъ „ничто, высочайшее и мудрѣй-

шее, Безсознательное". Отъ этого вывода уйти невозможно, мысля послѣдовательно, разъ что принято основаніе его. Исходя изъ послѣдняго, нельзя поэтому не признать, что міръ какъ произведеніе безсознательнаго, не имѣетъ никакой нетолько эвдемонологической, но и логической и этической и т. п. цѣнности.

Не имѣетъ въ этомъ міровоззрѣніи никакой положительной цѣнности и никакого положительнаго содержанія прежде всего *истина*. Въ чемъ, въ самомъ, дѣлѣ, состоитъ здѣсь вся безъ остатка задача мысли, *что* стремится она и что можетъ здѣсь постигнуть? *Раскрытіе призрачности* всего что только постижимо вообще, *разоблаченіе обмановъ* жизни, *разрушеніе* иллюзій бытія, вотъ — *единственная*, чисто-отрицательная *задача* мысли какъ для Гартмана, такъ и для Санкья-Муни. Призракъ, явленіе какой-то непостижимой ни самой себѣ, ни намъ сущности, обманъ—вотъ ея единственный *предметъ* для нихъ. То что одно непризрачно, вполнѣ реально т. е. Безсознательное, ни само себя не постигнетъ, ни не въ какой мѣрѣ и никакъ не можетъ быть постигнуто *). Оно выше и лучше всего именно потому, что оно „Непостижимое". Предъ его нѣмымъ, глухимъ и безцвѣтнымъ, безформеннымъ кошмаромъ должны умолкнуть всякое опредѣленное мышленіе, всякій опредѣленный порывъ жизни, всякая ея надежда и опасеніе, потому что оно „глубоко и непостижимо", а c'est tout dire! Экстазъ, состояніе полнаго, опьяняющаго погруженія въ невѣдомый (и не могущій быть вѣдомымъ), а потому и безконечный и неизмѣримый міръ безсознательнокти **)—вотъ *единственный* изъ доступныхъ человѣку

*) Это одно изъ основныхъ положеній Гартмановой метафизики.

**) Въ міръ «безконечныхъ возможностей» на который ссылаются охотно и нѣкоторые философы. Въ экстазѣ же, мимолетномъ освобожденіи отъ узъ сознанія, находитъ высочайшее наслажденіе, ибо вмѣстѣ и самозабвеніе и буддійскій аскетъ. *Какъ однако созерцаніе* экстаза можетъ быть внѣ и помимо *сознанія*, въ чемъ тутъ психологическая задача и логическая фальшь?—это оставляютъ въ тайнѣ. И предметъ этого созерцанія слиш-

способовъ сліянія конечнаго, сознающаго себя существа, съ едино-реальнымъ первоначаломъ бытіа, это — единственный доступный человѣку на мгновенія исходъ изъ міра призраковъ, скорби и бѣдствія. О какой же положительно цѣнной „истинѣ“ *мысли* можетъ имѣть смыслъ говорить здѣсь?!

Не лучше обстоитъ дѣло и съ отношеніемъ міровоззрѣнія пессимизма къ „такъ называемой“ нравственности. *Что* такое нравственность въ этомъ міровоззрѣніи и какая цѣна ей — это довольно точно разъяснено главными учителями современнаго пессимизма. „Только наслажденіе и страданіе“, учитъ Гартманнъ *), суть нѣчто вполнѣ реальное, между тѣмъ какъ нравственность и справедливость суть *лишь* (sic) *идеи сознанія*, безсознательное же служитъ общимъ субъектомъ, который носитъ ихъ во всѣхъ частныхъ и различныхъ сознаніяхъ **). *Значитъ* (!) никакое нравственное дѣяніе не имѣетъ значенія

комъ «глубокъ и непостижимъ», и самое состояніе созерцанія глубоко и непостижимо..! Какъ же послѣ этого, *не въ нихъ*, а въ бѣдныхъ и точныхъ понятіяхъ разума искать ключа къ конечному разрѣшенію всѣхъ задачъ и тайнъ мысли и жизни! Тѣмъ болѣе что вѣдь и доказывать здѣсь уже нельзя и не нужно, а можно только «вѣщать» что конечно легче и эффектнѣе!

*) Phil. d. Unberv. p. 641 seqq.

**) Само конечно, не сознавая этихъ идей, какъ оно и вообще въ своей *премудрости и непогрѣшимости* (на которыхъ такъ сильно настаиваетъ Гартманнъ) ничего не сознаетъ, даже той колоссальной глупости, которую совершила независимо отъ него (премудраго) его воля создавъ бѣдственный міръ. Мы здѣсь не имѣемъ въ виду критики Гартмановой метафизики, въ которой очень много литературы, фельетона и романа (ganz allerliebste Geschichten, по выраженію Schellvien'a), хотя очень мало философіи, но для поклонниковъ этой метафизики рекомендуемъ вникнуть поглубже въ это «премудрое». Безсознательное, «безумная, воля котораго, *наперекоръ* его мудрости и всемогуществу, создала міръ, нисколько *не нарушая* тѣмъ ни его мудрости, ни его могущества. Хорошо разобраны всѣ эти «глубокія истины» въ статьѣ г. Г. Струве (*Русскій Вѣстникъ* 1873 г. № 1).

для безсознательнаго само по себѣ, но—только въ той мѣрѣ въ какой оно уменьшаетъ сумму чувствуемаго страданія". Идеи сознанія, — вѣдь это такъ въ существѣ дѣла *неважно*! Нравственность, какъ идея сознанія имѣетъ значеніе именно лишь въ мірѣ призраковъ, заблужденій и страданія, въ мірѣ *нереальнаго*, а потому естественно ни сама она *безусловной и положительной цѣнности не имѣетъ*, ни тому бѣдственному міру конечныхъ, сознающихъ себя существъ, въ которомъ она полезна и нужна, никакой положительной цѣнности отъ себя *придаватъ* не можетъ. Она *полезна* въ бытіи, которое само вообще хуже небытія, но она хуже и ниже того небытія, въ которомъ она становится и ненужна и невозможна, такъ какъ тамъ нѣтъ раздѣльныхъ, сознающихъ себя существъ, а слѣдовательно нѣтъ и возможности нравственныхъ отношеній и дѣяній. Она лучше безнравственности, которая увеличиваетъ сумму страданій бытія, но хуже и нереальнѣе „непостижимаго", „безсознательнаго", „небытія". Вообще говорятъ они, о нравственной цѣнности дѣйствій и событій можетъ быть рѣчь лишь съ точки зрѣнія отдѣльныхъ индивидовъ, но не міра какъ цѣлаго, цѣнность котораго опредѣляется лишь едино-реальнымъ наслажденіемъ и страданіемъ. „Для практическаго поведенія отдѣльнаго индивидума эвдемонологическая точка зрѣнія не можетъ быть высшею и послѣднею", ибо онъ членъ болѣе обширнаго цѣлаго. Но совсѣмъ другой вопросъ: можетъ ли заявлять притязанія какая-либо другая точка зрѣнія, кромѣ эвдемонологической, тамъ гдѣ идетъ рѣчь о мірѣ какъ цѣломъ, ибо цѣлое міра уже само не есть, подобно индивидуму составная часть другаго болѣе обширнаго организма *)? „Для него поэтому нравственность реальной цѣнности *не* имѣетъ и тѣмъ менѣе придаетъ она ему отъ себя какую-либо положительную цѣнность. Все ея значеніе ограничивается тѣмъ что она осуществляетъ

*) Taubert. *Der Pessimismus u. seine Gegner.* p. 13.

ту „разумную гармонію личныхъ интересовъ которая производитъ наиболѣе сносное эвдемонологическое состояніе въ мірѣ, разъ что онъ существуетъ“ *).

Опредѣливъ такимъ образомъ цѣнность нравственнаго начала въ бытіи, философскій пессимизмъ тѣмъ не менѣе старается убѣдить, что онъ отнюдь не „врагъ нравственности“, а напротивъ—самый полезный и надежный союзникъ ея. „Доказывая яснѣе дня призрачность всякаго наслажденія и ложность, безуспѣшность всякаго стремленія къ личному, эгоистическому счастію, говоритъ онъ, я подрываю въ самомъ корнѣ наиболѣе враждебное нравственности стремленіе человѣческой души, эгоизмъ ея,—я воспитываю ее для единственной *истинной* морали, ибо морали вполнѣ безкорыстной, не эвдемонологической **). Я научаю человѣка дѣлать добро не ради недостижимаго личнаго счастія, но единственно ради того что оно, добро, „уменьшаетъ сумму общаго страданія“. И такъ пессимизмъ научаетъ человѣческую душу *безкорыстно* стремиться къ нравственно-доброму, не эгоистическому, путемъ убѣжденія въ томъ, что такой путь изъ двухъ золъ—меньшее, такъ какъ *во всякомъ случаѣ цѣли эгоизма неосуществимы*, преслѣдованіе же ихъ только увеличиваетъ массу страданія въ мірѣ, не доставляя никакого реальнаго наслажденія. Воистину высокое безкорыстіе! Геройскій подвигъ отказа отъ внушеній эгоизма вслѣдствіе убѣжденія въ полнѣйшей *невозможности* осуществить его цѣли! Утѣшаться *такимъ* подвигомъ столь же въ концѣ концовъ намъ кажется умно, какъ и—сознаніемъ того напримѣръ, что я подавилъ въ себѣ корыстное желаніе взять выгодную концессію на проведеніе желѣзной дороги на луну! И хороша жертва: „на тебѣ Боже, что намъ не гоже“ ***)!? Тѣмъ не менѣе проповѣдники пессимизма, начиная

---

*) Ibid.

**) Ср. Phil, d. Unbew. p. 732.

***) Ср. небольшую и не особенно глубоко вникающую въ философскую

съ Шопенгауэра и кончая Гартманномъ, особенно усердно настаиваютъ на выясненіи *этой* услуги, оказываемой нравственности философіею пессимизма, провозглашая послѣднюю единственнымъ истинно-нравственнымъ міровоззрѣніемъ и на этомъ основаніи рекомендуя себя всѣмъ, кому дорога нравственность. Велика ли *эта* заслуга предъ нравственностію или нѣтъ, можетъ ли пессимизмъ *воспитывать* человѣчество къ нравственности или нѣтъ,—это мы увидимъ далѣе, разбирая педагогическое значеніе философіи отчаянія и отрицанія, философіи безсознательнаго. Теперь же ограничимся лишь подтвержденіемъ того, что для этой философіи безсознательнаго отношенія ея къ нравственности опредѣляется прежде всего признаніемъ что нравственность *нереальна*. Не можетъ она быть и *источникомъ дѣйствительныхъ наслажденій*. „Такъ какъ страданіе терпящаго отъ безнравственнаго дѣянія больше чѣмъ наслажденіе (или удаленное страданіе) совершающаго это дѣяніе, то ясно, что безнравственность измѣняетъ существующее въ мірѣ отношеніе наслажденія къ страданію въ ущербъ первому... притомъ глупость человѣческая дѣлаетъ нерѣдко то же что и злая воля и часто даетъ другимъ жесточайшія мученія безо всякаго удовольствія или пользы для себя“... Справедливость же *не увеличиваетъ* суммы наслажденія въ мірѣ, ибо лишь *возстановляетъ* status quo до нарушенія *). Она нужна міру какъ *меньшее изъ двухъ золъ* только потому и до тѣхъ поръ, пока онъ еще погруженъ въ заблужденіе самосознающаго бытія; но она ни сама не имѣетъ положительной, реальной цѣнности, ни міру не можетъ придавать такую цѣнность разъ что великое и спасательное дѣло „разрушенія иллюзій“ пошло въ ходъ,

---

суть вопроса, хотя и превосходную во многихъ отношеніяхъ статью о пессимизмѣ покойнаго профессора Хлѣбникова въ *Извѣстіяхъ* Кіевскаго университета за 1878 годъ.

*) Phil. de. Unbew. 697—698. А—удовлетвореніе совѣсти *не* имѣетъ цѣнности?

Не менѣе эфемерна, наконецъ, и связь философіи пессимизма съ *религіозною идеей*. На внутреннюю необходимость этой связи не только любятъ указывать современные проповѣдники пессимизма, но въ ней,—что для насъ гораздо важнѣе,—искренно убѣждены и многіе глубоко-религіозные и въ то же время пессимистически настроенные характеры нашего тяжелаго и изнемогающаго въ недоразумѣніяхъ времени. Правда, и реальность религіозно-нравственнаго сознанія, увѣряетъ Гартманнъ, „держатся лишь подъ тѣмъ же условіемъ, что пессимизмъ признается за необходимую и всеобщую истину, а инстиктивное стремленіе человѣка къ счастію—за иллюзію. Если же бы, наоборотъ, вѣра въ достижимость счастія не была иллюзіею, то-есть еслибы положительное счастіе было достижимо *рядомъ* съ религіознымъ и нравственнымъ настроеніемъ (Verhalten) или посредствомъ его, то религіозно-нравственное сознаніе, то-есть вѣра въ то что истинная цѣль жизни состоитъ въ безкорыстномъ и самоотверженномъ стремленіи къ идеалу, само было бы иллюзіей, а вся мнимая мораль и религія въ мірѣ были бы въ дѣйствительности только болѣе или менѣе утонченною эвдемонологіею (ученіемъ благополучія), то-есть эвдемоническою псевдоморалью и псевдорелигіею. Такимъ образомъ религіозно-нравственное сознаніе предполагаетъ пессимизмъ, какъ необходимое предусловіе собственной своей истинности *). Гартманну масса страницъ, написанныхъ имъ для разоблаченія полной тщеты и иллюзіи *всякой вообще религіи*, не мѣшаетъ, какъ мы видимъ рекомендовать свое пессимитическое ученіе между прочимъ и тѣмъ, что оно составляетъ будто бы conditio sine qua non и для этой разоблачаемой имъ въ своей суетности религіи. „Всякое оружіе въ борьбѣ хорошо“, разсуждаетъ повидимому храбрый прусскій философъ, и въ виду его собственнаго отношенія къ религіи намъ не предстоитъ конечно надобности опровергать его

*) Hartmann: *Zur Geschichte u. Begündung des Pessimismus*, *p.* 83.

адвокатскіе доводы въ пользу его положенія. Но для искренно-религіозныхъ и лишь случайно пессимистически-настроенныхъ, для недоумѣвающихъ, а не уловляющихъ души умовъ нашего общества необходимо напомнить лишь два, три соображенія, вполнѣ доказывающія, что *настоящій* очерченный нами пессимизмъ—не только не *истина* съ религіозной точки зрѣнія и не *условіе* религіознаго настроенія и мысли, а *прямо враждебенъ* имъ. Прежде всего „безкорыстное и самоотверженное стремленіе къ идеалу", характеризующее религіозно-настроенный духъ, вовсе не состоитъ ни въ какой связи съ ученіемъ, что небытіе *лучше* и выше бытія, что послѣднее не имѣетъ *никакой* положительной цѣнности и есть только зло, заблужденіе и страданіе *). Стремленіе къ идеалу вовсе не есть слѣдствіе какого-то отчаянія во всемъ и не есть стремленіе къ небытію, безсознательности, нирванѣ. Напротивъ—оно всегда положительно и—какъ мы убѣдимся — *всего положительнѣе и всего сознательнѣе* въ жизни **). Затѣмъ и признаніе, что настоящее земное бытіе, исполненное несовершенства, скорби, зла, испытаній и болѣзней, суетно, не имѣетъ само по себѣ цѣнности, а составляетъ лишь временную, *подготовительную* школу къ другому, высшему и лучшему бытію ***),—вовсе не равносильно признанію что оно *вовсе лишено всякой цѣнности* и хуже небытія. Если

---

*) Cette confiance que tout ce qui est sera bien, voilà ce que j'appelle la foi, la vraie foi, parce que c'est la foi nécessaire (*Max. Müller* l. c. 333).

**) И любопытно знать, *какой* смыслъ можетъ имѣть вообще *идеализмъ* въ системѣ, признающей самое сознаніе за нѣчто *случайное*, *производное*, *пассивное*, *только отражающее* въ себѣ (болѣе или менѣе фальшиво) чуждое ему и *едино-реальное безсознательное* бытіе!?

(*** А тотъ же Максъ Мюллеръ сообщаетъ, что «les vieux brahmanes (а они были мудры) croyaient que l'avenir de l'homme, parfait ou imparfait, ne ferait que réaliser la conception et le desir de son coeur: la réalité serait ce que sa foi l'aurait faite (l. c. 332). И у насъ, христіанъ, «отраженны въ вѣрѣ и надеждѣ скончавшіеся». Стоило бы подумать объ этомъ!

оно для религіознаго человѣка, какъ временное подготовленіе, дѣйствительно не имѣетъ *высшей* цѣнности и святости, то *лишь потому*, что нѣчто другое имѣетъ для него еще высочайшую положительную цѣнность *) и святость. Наоборотъ: потому-то именно, что земное бытіе, со всѣми его страданіями и несовершенствами, есть для религіозной души *подготовленіе* къ иному, лучшему и высшему, и представляетъ хотя бы и чрезвычайно смущенное и затемненное отображеніе, лучъ этого высшаго и лучшаго,—поэтому-то оно для такого ума и *священно* и *благословенно*, а не хуже и глупѣе небытія. Поэтому-то религіозный умъ и принимаетъ жизнь, при всѣхъ ея скорбяхъ и мукахъ, не съ отчаяніемъ и проклятіемъ или холоднымъ и лживымъ въ этой холодности осужденіемъ философскаго пессимизма, но съ благодарностью и съ благословеніемъ,—не какъ суетная жена Іова, но какъ самъ Іовъ. Религія приноситъ духу человѣческому не отчаяніе, не смерть, не ненависть и презрѣніе, но утѣшеніе, но жизнь, силу и радость жизни. Для религіознаго духа „всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ“, — онъ благословляетъ

И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду,

Онъ умиляется и надъ зрѣлищемъ самой смерти (которое можетъ быть и впервые-то пробуждаетъ въ его душѣ дремлющее религіозное чувство!), и надъ горькою погибелью свѣтлаго генія, такъ часто побѣжденнаго въ безславной борьбѣ съ темными и грязными, но тѣмъ болѣе безпощадными стихійными силами жизни. Онъ *со всѣмъ* примиряется,—*кромѣ именно ненависти*, отчаянія и отрицанія. Религіозно настроенная душа „блаженна“; стремленіе къ богоподобію есть и основное стремленіе и высочайшій долгъ для религіозно-настроенной души, — а одинъ изъ аттрибутовъ Боже-

*) Хорошо изобразилъ этотъ мотивъ отрицательной оцѣнки земнаго бытія, разбирая религіозный пессимизмъ Паскаля и гр. Жоз. Демэстра Саго въ своемъ *Le pessimisme au XIX siécle.*

ства есть *блаженство:* „святой“ и „блаженный“ — синонимы! Первый духовный актъ религіозно-настроенной души — есть молитва; а во всякой молитвѣ, рядомъ съ просьбою объ облегченіи скорби, непремѣнно есть и славословіе, и благодареніе, и благословеніе. Въ этомъ — ея мистическое и эстетическое, цѣлительное, очищающее, просвѣтляющее, смиряющее и вмѣстѣ укрѣпляющее духъ значеніе. Въ самомъ великомъ изъ произведеній новой поэзіи доносящіеся до Фауста звуки молитвы вѣрныхъ, славящихъ Воскресеніе, отторгаютъ отъ устъ его уже поднятую чашу съ ядомъ, изъ которой онъ собирается выпить смерть и забвеніе, и заставляютъ его произнести:

Ты чистая, божественная радость,
Звучи, какъ встарь звучала надо мной...
Слеза... земля, я снова твой!

И всякая молитва, всякая церковная служба, всякій религіозный обрядъ убѣждаютъ желающаго *просто* выслушать и вникнуть въ нихъ, что пессимизмъ, *отрицаніе* положительной цѣнности бытія, съ религіозной точки зрѣнія есть не только не истина, но ложь, грѣхъ ибо *возмущеніе* противъ Творца *) Въ *Каинѣ* Байрона есть мѣста, геніально изображающія *одновременное* зарожденіе въ мірѣ того и другаго (возмущенія и пессимизма). Пес-

*) И это отрицаніе положительной цѣнности бытія всего менѣе сродно изъ христіанскихъ исповѣданій духу православія, и наиболѣе свойственно тѣмъ именно исповѣданіямъ, въ которыхъ всего менѣе религіи, смиренія, молитвы и т. п. и всего болѣе не сознающаго своихъ предѣловъ раціонализма (какъ напримѣръ, буддизмъ) укрѣпляющаго лишь въ строгой, но чисто-внѣшней отрицательно сдерживающей и безнадежной дисциплинѣ, негодующей на всякое живое проявленіе положительной любви, живой энергіи и свѣтлой радости. Таковы исповѣданія, развившія односторонне до крайности Лютеровы ученія о несвободѣ воли (de servo arbitrio), о суетности дѣлъ для задачи спасенія, о случайности благодати и т. п.) наши Пашковцы). Выводить же пессимизмъ изъ одного догмата первороднаго грѣха возможно лишь вовсе забывая о догмѣ искупленія, воскресенія.

симизмъ такимъ образомъ и къ религіозной идеѣ можетъ относиться только *чисто отрицательно*! *)

Безусловно отрицательное рѣшеніе вопроса объ эвдемонологической цѣнности бытія имѣетъ, какъ видно, значеніе гораздо широчайшее, чѣмъ-то чисто-эвдемонологическое, какое желали бы приписать ему pour besoin de cause нѣкоторые современные учители пессимизма. Оно распространяется и на цѣнность жизни *со всѣхъ другихъ* точекъ зрѣнія кромѣ одного наслажденія и страданія **). И не можетъ быть иначе, не можетъ вопросъ оставаться спеціальнымъ, *чисто-эвдемонологическимъ*, коль скоро признано, что *нѣтъ* никакихъ безразличныхъ не имѣющихъ эвдемонологической цѣнности чувствъ, и что въ то же время *всякое* состояніе мысли и воли, всякое состояніе сознанія вообще сопровождается чувствомъ, а слѣдовательно непремѣнно имѣетъ рядомъ со своею логическою, этическою или религіозною цѣнностью и—эвдемонологическую. Признать при этомъ

---

*) Уже потому одному, что *его* мотивъ есть прямое отрицаніе самой первой и существенной религіозной добродѣтели, *смиренія*. Отрицаніе же смиренія, *гордость* есть и послѣднее психологическое основаніе нашего нигилизма, какъ прекрасно показалъ Страховъ въ концѣ II-го тома своего «Борьба съ Западомъ».

**) Современные пессимисты, кромѣ Ю. Банзена. признаютъ повидимому *эстетическую* цѣнность бытія и даже особенно высоко ставятъ эстетическія наслажденія. Мы уже указывали что въ этомъ отношеніи Банзенъ гораздо послѣдовательнѣе другихъ. Какую цѣну въ самомъ дѣлѣ можетъ имѣть наслажденіе произведеніемъ искусства, разъ что *все содержаніе, всякій возможный предметъ сознанія*, кромѣ пустоты небытія признаны за ложь и страданіе?! Притомъ же Гартманнъ, признавая художественное и научное наслажденіе, оговаривается «что они суть какъ бы нѣкоторое вознагражденіе лишь для тѣхъ избранныхъ натуръ, которыя должны ощущать страданія жизни гораздо сильнѣе чѣмъ другіе люди, коимъ многое облегчаетъ ихъ тупость... нѣжно чувствующіе и высоко стоящіе въ духовномъ отношеніи люди придаютъ и тѣмъ меньшую цѣну жизни». (Phil. d. Unbew. p. 699). Герои динамита и петролеума напримѣръ?!

что ничего положительно цѣннаго въ сознающемъ себя бытіи (во всѣхъ состояніяхъ сознанія) *эвдемонологически* нѣтъ,—равносильно признанію, что *въ этихъ состояніяхъ* сознанія *нѣтъ ничего* положительнаго, могущаго вообще придавать отъ себя жизни сознающей о себѣ *) какую-либо эвдемонологическую цѣнность, ничего *положительно цѣннаго*, но *все*—иллюзія, заблужденіе и зло. Если существуетъ для мысли какая либо положительная истина, то самое *мышленіе* вноситъ и въ жизнь эвдемонологически-цѣнный моментъ; и наоборотъ, ничего не можетъ оно прибавить къ эвдемонологической цѣнности жизни если вся его задача чисто-отрицательная—въ разоблаченіи иллюзій, и весь его предметъ—призракъ и ложь. Не внесетъ въ жизнь положительной цѣнности и осуществленіе нравственныхъ началъ дѣятельности, если самая нравственность *лишена* положительной цѣнности и признана лишь за неизбѣжное въ бѣдственномъ существованіи міра зло. Если же она есть нетолько меньшее изъ двухъ золъ, но положительное добро, то осуществленіе ея въ жизни дѣйствительно *вноситъ* и въ посдѣднюю эвдемонологическую, положительную цѣнность. Отъ одного можно заключать къ другому и наоборотъ, какъ это и дѣлаетъ самый послѣдовательный изъ современныхъ пессимистовъ—Юліусъ Банзенъ. Отъ всеобщности и безнадежности страданія сознающаго себя бытія можно заключать къ иллюзорной, мнимой только цѣнности этого бытія и *со всѣхъ* другихъ возможныхъ точекъ зрѣнія, такъ же какъ и изъ признанія бытія цѣннымъ положительно въ *какомъ-нибудь* одномъ отношеніи—къ признанію что оно цѣнно и эвдемонологически, представляетъ нѣчто иное чѣмъ непрерывную цѣпь *безсмысленныхъ* страданій и безплодно разоблачаемыхъ заблужденій. Начнемъ ли мы изслѣдованіе съ одного конца или съ другаго, съ психологическаго во-

*) А жизнь и есть только въ той мѣрѣ, въ какой о себѣ знаетъ (хотя бы и только въ формѣ самочувствія).

проса о необходимомъ и всеобщемъ преобладаніи въ сознающемъ себя бытіи наслажденія или страданія, или съ вопроса о цѣнности сознающаго себя бытія метафизической, логической, нравственной и др.,—въ результатѣ мы получимъ *одно* только общее рѣшеніе о цѣнности бытія, сознанія. Получится одно рѣшеніе *во всѣхъ отношеніяхъ*, а не нѣсколько самостоятельныхъ и взаимно независимыхъ рѣшеній, изъ которыхъ одно говорило бы что бытіе цѣнно, а другое—что оно не цѣнно, глупо и дурно.

Пессимизмъ и оптимизмъ нашего времени подходятъ къ вопросу о цѣнности бытія со стороны его наслажденій и страданій, и отсюда уже переходятъ и къ философскому вопросу о его истинѣ, добрѣ и красотѣ или лжи и безобразіи. Но то обстоятельство, что исходная точка изслѣдованія ихъ—*психологическая*, какъ видно, вовсе не влечетъ за собою ограниченія значенія получаемаго въ концѣ изслѣдованія результата однимъ значеніемъ *спеціальнаго* эвдемонологическаго и психологическаго ученія. Значеніе вопроса—въ полномъ смыслѣ слова—всеобщее и *основное*, обнимающее *всѣ* точки зрѣнія, съ которыхъ сознаніе вообще постигаетъ, судитъ и цѣнитъ свою жизнь.

Пессимисты нашего времени особенно настаиваютъ на томъ, что вопросъ, рѣшаемый ими, есть только эвдемонологическій и психологическій, только одинъ изъ *частныхъ* научныхъ вопросовъ. Вѣрно въ этомъ утвержденіи лишь то, что они *начинаютъ* въ наше время не прямо и рѣшительно съ положенія—все есть ложь, суета, зло и безобразіе,—а съ болѣе повидимому безобиднаго: все есть страданіе и не можетъ не быть страданіемъ по самымъ основнымъ условіямъ сознающаго себя бытія. Почва, на которой они воздвигаютъ свое зданіе,—психологическая; данныя, съ которыми они имѣютъ дѣло вначалѣ,—страданіе и наслажденіе,—психологическія данныя прежде всего. Но и результатъ изслѣдованія—не психологическій, и самые пріемы обращенія съ психологическими фактами страданія и наслажденія для подведенія общаго итога имъ въ жизни обусловлены у нихъ

вовсе не научной психологіей, но основными метафизическими мотивами. *Какъ* они подводятъ этотъ итогъ наслажденій и страданій жизни? *Чѣмъ*, какою мѣрой они измѣряютъ ихъ? *Какія* наслажденія и страданія жизни, и *почему* именно одни, а не другія принимаются ими исключительно въ разсчетъ?*)—все это рѣшается для нихъ вовсе не психологіей, которой вообще у Гартманна такъ же мало, какъ и теоріи познанія **). Въ дальнѣйшемъ психологическомъ изслѣдованіи законовъ жизни чувства, къ которому мы приступаемъ, выяснится намъ, насколько существующая наука психологіи можетъ оправдать *такой* выводъ итога наслажденій и страданій жизни, въ которомъ, какъ у Гартманна, не принимаются въ разсчетъ и только положительно-цѣнныя состоянія *самочувствія и самознанія* что „я сознаю“,—въ которомъ сознающая себя дѣятельность, усиліе, сознаніе себя въ разнообразной смѣнѣ актовъ и состояній, и самая эта смѣна и разнообразіе безъ дальнихъ околичностей прямо отождествляются *со страданіемъ* ***),—въ которомъ принимается въ разсчетъ одна *острота и энергія* состояній чувства, но не ихъ *глубина, широта и постоянство*, такъ что всѣ чувства болѣе глубокія, разростающіяся во внутрь, привычныя и составляющія *нормаль-*

---

*) Принимаются ли въ разсчетъ, напримѣръ, одни *выдающіяся* по яркости, силѣ и энергіи своего выраженія чувства (по яркости въ сознаніи и силѣ выраженія чувства страданія, какъ мы увидимъ, необходимо *сильнѣе* чѣмъ чувство удовлетворенія, наслажденія), то-есть одни чувства, составляющія въ экономіи жизни необычное исключеніе, *ненормальность*,—или же нѣкоторый вѣсъ придается и неисключительнымъ, нормальнымъ чувствованіямъ, необходимо наполняющимъ *всѣ* моменты жизни психическаго существа?

**) Ср. *Lange*: Geschichte de Materialismus. T. II.

***) Какъ дѣлала это старинная психологическая теорія, на почвѣ которой остаются еще и Кантъ (въ «Антропологіи»), и Шопенгауэръ, признавшая, что въ основѣ всякаго стремленія (а слѣдовательно и удовлетворенія) лежитъ состояніе *лишенія*, страданія, предшествующаго такимъ образомъ удовлетворенію и *болѣе* реальнаго чѣмъ оно.

ное, основное, необходимое и постоянное содержаніе жизни психическаго существа, заранѣе исключаются изъ общей суммы страданій и наслажденій жизни; — въ которомъ, наконецъ, самая *цѣнность* тѣхъ или другихъ страданій или наслажденій измѣряется не ихъ собственною мѣрой, не тѣмъ *какъ* они испытываются самимъ вполнѣ реально переживающимъ ихъ существомъ, но тѣми мнимыми или немнимыми, глупыми или разумными *объективными цѣлями*, въ стремленіи къ достиженію которыхъ мы ставимъ себя въ необходимость испытывать эти наслажденія и страданія *). Рѣшить—насколько правиленъ выведенный при *такихъ* условіяхъ итогъ наслажденій и страданій жизни по ихъ количеству, мѣрѣ и реальной значимости, — должна научная психологія чувствованій и можетъ только она. Но самый вопросъ, къ рѣшенію котораго психологія чувствованій должна привести насъ, по своему значенію, очевидно далеко не *чисто-психологическій* только вопросъ.

Что рѣшеніе его далеко не ограничивается такимъ спеціальнымъ и чисто-научнымъ интересомъ,—этого не можетъ не признать и самъ глава современныхъ пессимистовъ Гартманнъ. Онъ самъ ставитъ развитіе пессимистическаго сознанія въ мірѣ, разоблаченіе иллюзій бытія, не только цѣлью научно-литературной пропаганды истинныхъ „друзей человѣчества“, но и цѣлью всего міроваго процесса. Онъ признаетъ его и единственнымъ вполнѣ реальнымъ орудіемъ реальнаго освобожденія человѣчества и отъ приковывающихъ его къ бѣдственному бытію недоразумѣній, иллюзій и отъ воли дальше пребывать въ этомъ бѣдственномъ и только на обманѣ держащемся бытіи, и, въ концѣ концовъ,

---

*) На оцѣнкѣ чувствъ съ точки зрѣнія *объективныхъ*, достигаемыхъ ими цѣлей и на раскрытіи такимъ путемъ *недоразумѣній*, лежащихъ въ основѣ всѣхъ нашихъ наслажденій,—покоится все построенное Гартманномъ очевидно не на психологической почвѣ зданіе пессимизма. Здѣсь именно и сказывается важность правильной *идеальной мѣры* оцѣнки, о которой мы говорили вначалѣ.

отъ самаго этого горькаго и безумнаго бытія. Пессимизмъ и для его учителя есть, повторяемъ, не просто философема, но реальная и притомъ общемірова я сила жизни, разрушающая ее въ самомъ корнѣ, въ самой *волѣ быть*. Что психически разоблаченіе иллюзій, лежащихъ въ основѣ нашихъ чувствъ, сознаніе полной неосуществимости стремленій, наполняющихъ собою нашу жизнь и придающихъ ей весь смыслъ, цѣнность и энергію,—должно вліять вполнѣ реально на уменьшеніе наслажденія жизнью и по массѣ и по значимости его для насъ и по энергіи, *реально дѣлаетъ человѣка болѣе несчастнымъ*, чѣмъ онъ былъ *до* разоблаченія иллюзій, до укрѣпленія въ немъ пессимистическаго сознанія,— это несомнѣнно. Но въ *этомъ-то* именно несомнѣнномъ вліяніи пессимистическаго міросозерцанія на увеличеніе существующаго въ жизни человѣчества реальнаго страданія рядомъ съ уменьшеніемъ жизненной энергіи его, Гартманнъ видитъ не только нравственное и мистическое *оправданіе* дѣятельности, направленной къ развитію и укрѣпленію въ человѣкѣ пессимистическаго сознанія путемъ своей „психологической, теоріи жизни, но и новое *доказательство* ея научной неопровержимости, устраняющее послѣднія сомнѣнія въ *истинности* пессимизма. Все развитіе міра—есть въ концѣ концовъ развитіе пессимистическаго сознанія тщеты и суетности бытія въ сравненіи съ безмятежностью небытія; „возможно-высшій міровой прогрессъ повлечетъ за собою пессимистическое сознаніе въ человѣчествѣ, въ чемъ и заключается телеологическое значеніе прогресса“ *). Пессимизмъ утверждаетъ лишь то, что это неизбѣжное разрушеніе иллюзій падаетъ тяжестью на вѣсы страданія и наслажденія жизни (перевѣшивая въ сторону перваго) у тѣхъ существъ, для ума которыхъ это разрушеніе уже въ дѣйствительности совершилось. Совершенно вѣрно, что число ихъ теперь еще незначительно; но столь же вѣрно и то, что этотъ разлагающій процессъ рефлексіи необходимо проникнетъ, съ ростомъ культуры, въ массы и за-

*) Phil. d. Unbew. pp. 746—747.

владѣетъ громаднымъ большинствомъ всего человѣчества. Если поэтому противники наши даже и правы, утверждая, что наша философская критика иллюзій мало вѣска въ доказательство истинности пессимизма для прошедшаго и настоящаго человѣчества, то тѣмъ большее значеніе имѣетъ эта критика для будущаго *). „Если бы пессимизмъ и не былъ истиненъ относительно настоящаго состоянія міра, то онъ все въ большей мѣрѣ становился бы истинной для его будущихъ состояній; еслибы даже и былъ правъ эвдемонологическій оптимизмъ въ прошедшемъ, то все-таки относительно міра, взятаго въ цѣломъ, истина осталась бы за пессимизмомъ, потому что будущее, относительно котораго пессимизмъ раньше или позже оправдается, на много тяжелѣе вѣситъ на вѣсахъ міра чѣмъ прошедшее. Въ этомъ заключается наибольшая практическая убѣдительность пессимизма, такъ же и объясненіе его сравнительно поздняго выступленія въ исторіи философіи. Если раньше и было мало пессимистовъ между культурными народами Запада, то число ихъ постоянно будетъ рости, по мѣрѣ того какъ истина пессимизма все ярче и ярче будетъ демонстрироваться состояніями міра ad oculos. Потому-то и такъ безнадежна борьба противъ пессимизма, что будущее принадлежитъ ему въ далеко высшей мѣрѣ чѣмъ прошедшее, и тѣмъ хладнокровнѣе могутъ его сторонники взирать на усилія ихъ враговъ, что они знаютъ что самое теченіе міровой жизни за нихъ **). Такъ ли это? *Истинно ли* предъ разумомъ и *неизбѣжно ли* „разрушеніе иллюзій“? Неизбѣжно ли *торжество* пессимизма и отрицанія бытія, нигилизма въ сознавшемъ себя *вполнѣ* существѣ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ послѣдующій очеркъ психологіи чувствъ страданія и наслажденія.

П. Астафьевъ.

---

*) *Zur Geschichte u. Begruendung d. Pessimismus Hartmann*, p. 78.
**) ibid. p. p. 75—76.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ